

СТИВЕН
КИНГ

&
РИЧАРД
ЧИЗМАР

ГВЕНДИ
— И ЕЕ —
ШКАТУЛКА

Annotation

Из Касл-Рока до Касл-Вью можно добраться тремя путями: по шоссе номер 117, по Плезант-роуд или по Лестнице самоубийц. Каждый день на протяжении всего лета 1974 года двенадцатилетняя Гвенди Питерсон поднималась по лестнице, державшейся на крепких железных болтах и проходившей зигзагом по отвесному склону.

И однажды, когда Гвенди поднялась на вершину, переводя дыхание и слыша крики детей на площадке, к ней обратился незнакомец. На скамейке в тени сидел человек в черных джинсах, черном пиджаке и белой рубашке, расстегнутой у ворота. На голове у него была аккуратная маленькая черная шляпа. Придет время, и эта шляпа станет преследовать Гвенди в кошмарах...

В маленьком городке Касл-Рок, штат Мэн, происходило много необычного, но об одной истории вы все же еще не слышали. И теперь пришло ее время...

- [Стивен Кинг, Ричард Чизмар](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)

- [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [Библиография Стивена Кинга](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Стивен Кинг, Ричард Чизмар

Гвенди и ее шкатулка

Серия «Вселенная Стивена Кинга»

Stephen King and Richard Chizmar

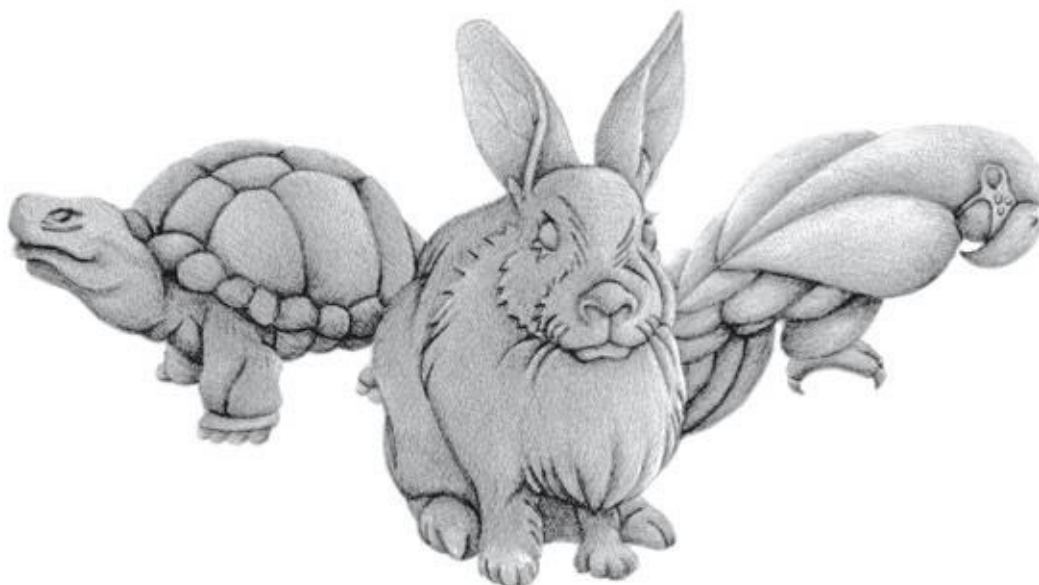
GWENDY'S BUTTON BOX

Перевод с английского *Т. Покидаевой*

Компьютерный дизайн *А. Кудрявцева*, студия «*FOLD&SPINE*»

Печатается с разрешения литературных агентств

The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

© Stephen King and Richard Chizmar, 2017 © Interior Artwork by Keith Minnion, 2017

© Перевод. Т. Покидаева, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Из Касл-Рока до Касл-Вью можно добраться тремя путями: по шоссе номер 117, по Плезант-роуд или по Лестнице самоубийц. Каждый день на протяжении всего лета – да, даже по воскресеньям – двенадцатилетняя Гвенди Питерсон поднимается по лестнице, держащейся на крепких (пусть и ржавых от времени) железных болтах и проходящей зигзагом по отвесному склону. Первую сотню ступенек Гвенди проходит шагом, вторую сотню пробегает трусцой, а последние сто пять ступеней заставляет себя нестись со всех ног – в безудержной предвыборной гонке, как сказал бы ее папа. На вершине она стоит, согнувшись пополам, и сжимает руками колени. Щеки горят, мокрые от пота волосы липнут к лицу (они всегда выбиваются из-под резинки на этом финишном спринте, как бы туго она ни собирала их в хвост). Дышит она тяжело, словно старая ломовая лошадь. Но все-таки улучшения есть. Когда она выпрямляется и смотрит себе под ноги, склонив голову, ей видны носки кроссовок. Которые не были видны в июне, в последний день школьных занятий, в ее последний день в начальной школе Касл-Рока.

Футболка пропиталась потом и липнет к телу, но в целом Гвенди чувствует себя очень даже неплохо. В июне она всерьез опасалась, что умрет от инфаркта, каждый раз, когда поднималась к вершине. С детской площадки неподалеку доносятся крики детишек. Чуть дальше, с бейсбольного поля, – звон алюминиевой биты, бьющей по мячу. Старшеклассники тренируются к благотворительному матчу на День труда.

Она протирает очки носовым платком, который держит в кармане шорт специально для этих целей, и вдруг слышит, как к ней обращаются:

– Эй, девочка. Иди сюда. Есть разговор.

Гвенди надевает очки, и расплывчатый мир вновь обретает четкость. На скамейке в теничке рядом с гравийной дорожкой, ведущей от лестницы в парк Касл-Вью, сидит человек в черных джинсах, черном пиджаке и белой рубашке, расстегнутой у ворота. На голове у него – аккуратная маленькая черная шляпа. Придет время, и эта шляпа будет преследовать Гвенди в кошмарах.

На этой неделе он сидит здесь каждый день, на одной и той же скамейке, читает одну и ту же книгу («Радуга тяготения», толстенный том, с виду – явно не легкое чтение), но до сегодняшнего дня он ни разу к ней не обращался. Гвенди смотрит на него с опаской.

– Нельзя разговаривать с незнакомцами.

– Дельный совет. – По виду он папин ровесник, ему лет тридцать восемь, может, чуть больше. Вполне приятной наружности. Но черный пиджак жарким августовским утром наводит на мысли, что его обладатель – человек со странностями. Потенциальный псих. – Мама тебе запрещает?

– Папа, – отвечает Гвенди. Ей придется пройти мимо него, чтобы добраться до детской площадки, и если это и вправду псих, может быть, он попытается ее схватить, но она не особенно переживает на этот счет. Сейчас светло, детская площадка совсем рядом, там много народу, и сама Гвенди уже отдышалась.

– В таком случае, – говорит человек в черном пиджаке, – позволь мне представиться. Я Ричард Фаррис. А ты?..

Она колеблется, потом спрашивает себя: а что такого?

– Гвенди Питерсон.

– Ну вот. Теперь мы знакомы.

Гвенди качает головой.

– Знать имя – не значит знать человека.

Он смеется, запрокинув голову. Его смех такой искренний и обаятельный, что Гвенди невольно улыбается. Но все равно держится в отдалении.

Он целится в нее из пальца: пиф-паф.

– Хорошо сказано. Ты хорошая девочка, Гвенди. И кстати, раз уж зашел разговор: что за странное имя?

– Сочетание двух имен. Папа хотел назвать меня Гвендолин – так звали его бабушку, – а мама хотела Венди, как в «Питере Пэне». Вот они и решили объединить оба имени. Вы здесь на отдыхе, мистер Фаррис?

Вполне вероятно; это же Мэн, а штат Мэн провозглашает себя раем для отдыхающих. Страна каникул. Так написано даже на автомобильных номерных знаках.

– Можно и так сказать. Я, видишь ли, путешествую. На прошлой неделе – Мичиган, на следующей – Флорида, потом, может быть, Кони-Айленд – съесть хот-дог и прокатиться на «Циклоне». Меня, наверное, можно назвать скитальцем, и мой путь – вся Америка. Я наблюдаю за некоторыми людьми и время от времени проверяю, как у них обстоят дела.

На бейсбольном поле за детской площадкой бита со звоном отбивает мяч, раздаются одобрительные крики.

– Что ж, было приятно с вами поговорить, мистер Фаррис, но мне надо идти...

– Подожди, задержись на минутку. Видишь ли, ты как раз из тех самых

людей, за кем я наблюдаю в последнее время.

Это должно бы прозвучать зловеще (и так оно и звучит), но он по-прежнему улыбается и весело смотрит на меня, и если он и вправду маньяк-педофил, то хорошо это скрывает. Хотя настоящий маньяк, размышляет Гвенди, никогда не покажет свою натуру. Приходи ко мне в гости, говорил мухе паук.

– У меня есть теория насчет тебя, мисс Гвенди Питерсон. Как и положено всякой хорошей теории, она основана на тщательных наблюдениях. Хочешь послушать?

– Да, наверное.

– Я заметил, ты чуть полновата.

Наверное, он видит, как она напряглась, потому что поднимает руку и качает головой, мол, *подожди*.

– Возможно, ты сама считаешь себя жирной, потому что девчонки и женщины в нашей стране имеют странные представления о собственной внешности. СМИ... ты знаешь, что такое СМИ?

– Конечно, знаю. Газеты. Телевидение. «Тайм» и «Ньюсуик».

– Все верно. Так вот. СМИ кричат: «Девочки, женщины, вы можете стать кем угодно в этом дивном новом мире, при условии, что видите носки своих туфель, когда стоите прямо».

Он *и вправду* за мной наблюдал, думает Гвенди, потому что я каждый день проверяю, видны – не видны, когда поднимаюсь наверх. Она краснеет. Это никак от нее не зависит, но смущенный румянец – явление внешнее. Внутри у Гвенди нарастает вызов: *и что с того?* Именно это заставляет ее каждый день бегать по лестнице. Этот протест и еще Фрэнки Стоун.

– Моя теория состоит в том, что кто-то насмешливо отозвался о твоём лишнем весе, или о внешности, или о том и другом сразу, и ты решила взять ситуацию под контроль. Я угадал? Может, не в самое яблочко, но в мишень-то уж точно попал?

Возможно, потому, что он совершенно чужой человек, она может запросто рассказать ему то, о чем не рассказывала ни маме, ни папе. Или, возможно, все дело в его голубых глазах, в которых – искренний интерес и любопытство, но вовсе нет злобы. Во всяком случае, Гвенди ее не видит.

– Фрэнки Стоун, мой одноклассник, называет меня Гудьер. Знаете, как...

– Как дирижабль. Да, я знаю рекламные дирижабли «Гудьер».

– Ага. Фрэнки противный и гадкий.

Она думает, не рассказать ли ему, этому человеку, как Фрэнки расхаживал по детской площадке и орал: *А я Фрэнки Стоунер! У меня*

огромный хер! Фу ты, ну ты, не меньше двух футов! – но решает, что лучше не надо.

– Другие мальчишки тоже начали обзывать, а потом подхватили и некоторые девчонки. Не те, с которыми я дружу, а другие девчонки. Это было в шестом классе. А в сентябре начинается средняя школа, и я... в общем...

– Ты решила, что это обидное прозвище не увяжется за тобой, – говорит мистер Ричард Фаррис. – Понятно. Кстати, ты еще вытянешься, подрастешь. – Он обводит ее взглядом с головы до ног, но в этом взгляде нет ничего гнусного. Скорее это пристальный взгляд ученого. – Я бы сказал, ты остановишься на пяти футах и десяти дюймах. Может, даже одиннадцати. Будешь высокой для девчонки.

– Я уже чуточку подросла, – говорит Гвенди, – но я не собираюсь ждать.

– Я так и думал, – отвечает Фаррис. – Не жди, не скули и не ной, а разбирайся с проблемой. Атакуй ее в лоб. Восхитительно. Поэтому мне и хотелось с тобой познакомиться.

– Было приятно с вами поговорить, мистер Фаррис, но мне действительно надо идти.

– Нет. Тебе надо остаться здесь. – Он больше не улыбается. Выражение его лица стало строгим, голубые глаза как будто сделались серыми. Тень от шляпы лежит тонкой линией у него на лбу, словно татуировка. – У меня для тебя кое-что есть. Подарок. Потому что ты именно та, для кого он предназначен.

– Я не принимаю подарки от незнакомцев, – говорит Гвенди. Вот теперь ей становится чуточку страшно. А может быть, и не чуточку.

– Знать имя – не значит знать человека, тут я согласен, но мы с тобой не совсем незнакомцы. Я тебя знаю – и знаю, что вещь, которую я собираюсь тебе отдать, была сделана для кого-то такого, как ты. Еще очень юного, но твердо стоящего на ногах. Я знал тебя, Гвенди, еще до того, как увидел. И вот мы встретились. – Он сдвигается на край скамейки и похлопывает рукой по сиденью. – Присядь рядом со мной.

Медленно, словно во сне, Гвенди подходит к скамейке.

– Вы... Мистер Фаррис, вы хотите меня обидеть?

Он улыбается.

– Схватить тебя? Затащить в кусты и надругаться? – Он указывает на тропинку, ведущую к детской площадке, где две или три дюжины детишек в футболках Детского дневного лагеря Касл-Рока качаются на качелях, съезжают с горок и карабкаются по лесенкам под присмотром четырех

вожатых. – Вряд ли получится при таком-то скоплении народа. К тому же я не испытываю сексуального интереса к малолетним девочкам. Как правило, девчонки не интересуют меня в принципе, но, как я уже говорил – или подразумевал, – ты не такая, как все. А теперь сядь.

Она садится. Пот, покрывающий ее тело, вдруг становится ледяным. Почему-то ей кажется, что, вопреки всем его уверениям, он попытается ее поцеловать, невзирая на ребяташек на детской площадке и их вожатых. Но опасения Гвенди напрасны. Мистер Фаррис ее не целует. Он вынимает из-под скамейки холщовый мешок с завязкой. Открывает его и достает красивую лакированную шкатулку из красного дерева, густо-коричневого и как будто мерцающего алыми искрами под слоем лака. Шкатулка примерно пятнадцати дюймов в длину, около фута в ширину, а в высоту вдвое меньше. Гвенди сразу же хочется заполучить эту шкатулку. И вовсе не потому, что она очень красивая. А потому, что это *ее* шкатулка. Как что-то по-настоящему ценное и любимое, что-то утерянное так давно, что почти забылось, а теперь вдруг нашлось. Что-то, чем Гвенди владела в другой жизни, в которой была принцессой или кем-то еще.

– Что это? – спрашивает она вполголоса.

– Пульт управления, – говорит Фаррис. – Твой пульт управления. Смотри.

Он наклоняет шкатулку, чтобы Гвенди увидела кнопки на крышке, шесть в три ряда по две и еще по одной с двух сторон от рядов. Всего восемь. Пары такие: светло-зеленая и темно-зеленая, желтая и оранжевая, синяя и фиолетовая. Одна одиночная кнопка – красная. Другая – черная. Есть еще два рычажка по краям и что-то похожее на прорезь посередине.

– Кнопки нажимаются очень туго, – предупреждает Фаррис. – Придется жать большим пальцем и прилагать силу. Но это и к лучшему, уж поверь мне на слово. С ними не следует ошибаться, о нет. Особенно – с черной.

Гвенди забыла о том, что боится этого человека. Она зачарована деревянной шкатулкой, и когда мистер Фаррис передает ее Гвенди, она берет шкатулку. Она думала, шкатулка будет тяжелой – все-таки красное дерево тяжелое само по себе, и кто знает, что там внутри, – но нет. Гвенди почти не чувствует тяжести. Она проводит пальцем по гладкой, слегка выпуклой поверхности кнопок, и ей кажется, будто она чувствует их цвета, которые словно подсвечивают ее кожу.

– А зачем эти кнопки?

– Мы вернемся к ним позже. Для начала обрати внимание на рычажки. Они переключаются легче, чем кнопки. Сдвигаются даже мизинцем.

Потянешь за левый рычаг – рядом с красной кнопкой – и получишь маленькую шоколадку в форме животного.

– Я не... – начинает Гвенди.

– Да, я знаю. Ты не принимаешь конфеты от незнакомцев, – говорит Фаррис и так забавно закатывает глаза, что Гвенди невольно хихикает. – Кажется, этот вопрос мы уже обсудили, Гвенди?

– Нет, я хотела сказать, что *не ем шоколад*. Этим летом. Я хочу сбросить вес и вообще не ем сладкого. И не хочу начинать, потому что потом не смогу остановиться. Тем более шоколад! Я же шокоголик.

– Да, но в том-то и прелесть шоколадок, которые выдает пульт управления, – говорит Ричард Фаррис. – Они маленькие, не крупнее мармеладных драже, и очень сладкие... Но съешь одну шоколадку – и больше тебе не захочется. У тебя будет хороший аппетит, ты будешь нормально обедать и ужинать, но тебе не захочется взять добавку. И не захочется никаких перекусов, особенно – сладкого на ночь, главного врага стройной фигуры.

Гвенди, до этого лета имевшая привычку каждый вечер примерно за час до сна съедать большой сэндвич с зефирным кремом и арахисовой пастой, знает, о чем идет речь. К тому же после этих утренних пробежек на нее всегда нападает зверский аппетит.

– Что-то вроде тех странных продуктов для похудения? – спрашивает она. – Которые быстро тебя насыщают, но ты потом каждые полчаса бегаешь писать. Моя бабушка что-то такое ела, а через неделю совсем разболелась.

– Нет. Это обычный шоколад. Но *чистый*. Не как в шоколадных батончиках из магазина. Попробуй.

Гвенди мнетя, но очень недолго. Она подцепляет мизинцем рычажок – для других пальцев он маловат – и сдвигает на себя. Из прорези в центре выезжает узенькая деревянная дощечка. На дощечке сидит шоколадный кролик размером, как и сказал мистер Фаррис, не больше мармеладного драже.

Гвенди берет его двумя пальцами и восхищенно рассматривает со всех сторон.

– Ух ты! Смотрите, какая *шерстка*. И *ушки*! И *глазки*!

– Да, – согласно кивает Фаррис. – Симпатичный зверек. А теперь съешь его! Быстро!

Без всяких раздумий Гвенди выполняет команду, и рот наполняется сладостью. Мистер Фаррис был прав: это гораздо вкуснее шоколадных батончиков из магазина. Это гораздо вкуснее *всего*, что она ела раньше.

Восхитительный вкус, он не только во рту – он как будто во всей голове. Шоколад тает на языке, дощечка возвращается в шкатулку, прорезь закрывается.

– Понравилось? – спрашивает мистер Фаррис.

– М-м-м. – Вот и все, что она может сказать. Будь это обычная конфета, Гвенди сейчас повела бы себя словно крыса в научном эксперименте: она давила бы на рычажок, пока тот не сломается или пока не закончатся шоколадки. Но ей совершенно не хочется добавки. И еще ей кажется, что сегодня она не зайдет в кафешку у детской площадки, чтобы взять коктейль из фруктового льда. Ей совершенно не хочется есть. Она...

– Ты довольна? – спрашивает Фаррис.

– Да!

Вот верное слово. Гвенди очень довольна. Такого огромного удовольствия она еще не получала, даже когда ей подарили на девять лет двухколесный велосипед.

– Хорошо. Возможно, завтра тебе захочется еще одну шоколадку, и ты получишь ее, если пожелаешь, потому что пульт останется у тебя. Это твой пульт управления, по крайней мере пока.

– А сколько там шоколадок?

Вместо того чтобы ответить на ее вопрос, он предлагает ей потянуть второй рычажок.

– Он тоже выдает конфеты?

– Потяни и узнаешь.

Она сдвигает рычажок мизинцем. На этот раз на дощечке, выехавшей из прорези, лежит большая серебряная монета, такая яркая в лучах утреннего солнца, что Гвенди щурится. Гвенди берет ее в руки, и дощечка уезжает обратно в шкатулку. Монета тяжелая. На ней – женский профиль то ли в короне, то ли в диадеме. Внизу – полукруг из звезд, разомкнутый датой: 1891. Наверху надпись: *E Pluribus Unum*.

– Это Моргановский серебряный доллар, – объясняет Фаррис профессорским тоном. – Почти пол-унции чистого серебра. Создан Джорджем Морганом, которому в ту пору было всего тридцать лет. Моделью для головы Свободы послужила Анна Уиллесс Уильямс, филадельфийская матрона. Ее портрет в профиль изображен на аверсе монеты, то есть на лицевой стороне. На оборотной стороне изображен белоголовый орлан.

– Красивый, – выдыхает Гвенди. Потом – с большой неохотой – протягивает монету Фаррису.

Он скрещивает руки на груди и качает головой.

– Это не мое, Гвенди. Это твое. Все, что выдает пульт, – твое. Шоколадки, монеты. Потому что *пульт* – твой. Кстати, нынешняя нумизматическая ценность одного Моргановского доллара составляет около шестисот долларов.

– Я... я не могу его взять, – говорит Гвенди. Ее голос звучит как-то странно. Словно издалека. Ей кажется (как казалось в начале лета, когда она только начала бегать вверх по Лестнице самоубийц), что она сейчас грохнется в обморок. – Я не сделала ничего, чтобы его заслужить.

– Еще сделаешь, не беспокойся. – Он достает из кармана черного пиджака старинные карманные часы. Гвенди в глаза снова бьют отблески солнца, только теперь не серебряные, а золотые. Откинув крышку, Фаррис смотрит на циферблат. Потом убирает часы в карман. – У меня мало времени, поэтому смотри на кнопки и слушай внимательно. Договорились?

– Д-да.

– Но сначала убери доллар в карман. Он тебя отвлекает.

Она послушно кладет доллар в карман и ощущает на бедре тяжелый кружок.

– Сколько у нас частей света, Гвенди? Ты знаешь?

– Семь, – отвечает она. Это они проходили в третьем или четвертом классе.

– Все верно. Но поскольку Антарктида фактически безлюдна, здесь она не представлена... кроме, конечно же, черной кнопки, но до нее мы еще дойдем. – Он легонько касается каждой из расположенных парами кнопок. – Светло-зеленая кнопка: Азия. Темно-зеленая: Африка. Оранжевая: Европа. Желтая: Австралия. Синяя: Северная Америка. Фиолетовая: Южная Америка. Ты меня слушаешь? Запоминаешь?

– Да, – отвечает она без запинки. У нее всегда была хорошая память, а сейчас она почему-то уверена, что съеденная шоколадная конфета помогает ей сосредоточиться еще больше. Мысль сумасшедшая. Гвенди не знает, что это значит, но ни капельки не сомневается, что сумеет запомнить, какой цвет означает какую часть света. – А что означает красная кнопка?

– Все что захочешь, – говорит Фаррис. – И тебе *обязательно* что-то захочется, обладателю пульта всегда чего-то хочется. Это нормально. Желание знать и действовать заложено в человеческой природе. Любопытство и страсть к исследованиям, Гвенди! Одновременно и болезнь, и лекарство!

Я уже не в Касл-Роке, думает Гвенди. Я оказалась в какой-то волшебной стране из книжки. В Стране Оз, или Нарнии, или Хоббитании. Наяву так не бывает.

– Просто запомни, – продолжает он, – красная кнопка – единственная из всех кнопок, которую можно использовать неоднократно.

– А черная кнопка?

– Все что есть, – говорит Фаррис и резко встает. – Полный комплект. Большая шишка, как сказал бы твой папа.

Она изумленно смотрит на него. Ее папа *именно так* и говорит.

– Откуда вы знаете, что мой па...

– Прощу прощения, что перебиваю, это очень невежливо, но мне действительно надо идти. Береги пульт. Он дарит подарки, но это маленькая компенсация за большую ответственность. И будь осторожна. Если его обнаружат твои родители, могут возникнуть вопросы.

– Еще бы, – говорит Гвенди и тихонько смеется. У нее перехватывает дыхание. Как будто ей врезали кулаком под дых. – Мистер Фаррис, почему вы дали пульт мне? *Почему именно мне?*

– В нашем мире, – отвечает Фаррис, глядя на нее сверху вниз, – накоплены огромные запасы оружия, способного уничтожить всю жизнь на планете на ближайший миллион лет. Мужчины и женщины, ответственные за них, каждый день задают себе тот же вопрос. Пульт достался тебе, потому что ты – оптимальная кандидатура здесь и сейчас. Береги его, Гвенди. Я бы тебе посоветовал не показывать его *никому*, а не только родителям, ибо люди по природе своей любопытны. Когда они видят рычаг, им сразу хочется его потянуть. Когда они видят кнопку, им сразу хочется ее нажать.

– И что будет, если нажмут? Если я нажму?

Ричард Фаррис лишь улыбается, качает головой и идет к краю утеса, где стоит щит с надписью: «СОБЛЮДАЙТЕ ОСТОРОЖНОСТЬ! ДЕТЯМ ДО 10 ЛЕТ БЕЗ СОПРОВОЖДЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ **ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН!**» Потом оборачивается к Гвенди:

– Кстати! Почему эту лестницу называют Лестницей самоубийц, Гвенди?

– Потому что в тысяча девятьсот тридцать четвертом году с нее прыгнул мужчина, – говорит она. Пульт управления лежит у нее на коленях. – И лет пять назад с нее прыгнула женщина. Папа говорит, в городском совете обсуждался вопрос, чтобы демонтировать лестницу, но в городском совете одни республиканцы, а республиканцы ненавидят перемены. То есть так говорит папа. Кто-то из них сказал, что лестница – туристическая достопримечательность... и это правда, в каком-то смысле... И что одно самоубийство раз в тридцать пять лет – это не так уж и страшно. Он сказал, если начнется массовое помешательство, они проведут

повторное голосование.

Мистер Фаррис улыбается.

– Маленькие городки! Как я их обожаю!

– Я ответила на ваш вопрос, теперь вы ответьте на мой! Что будет, если я нажму какую-то из этих кнопок? Например, кнопку для Африки? – Как только ее большой палец ложится на темно-зеленую кнопку, у нее возникает желание – не то чтобы сильное, но вполне ощутимое – нажать и узнать все самой.

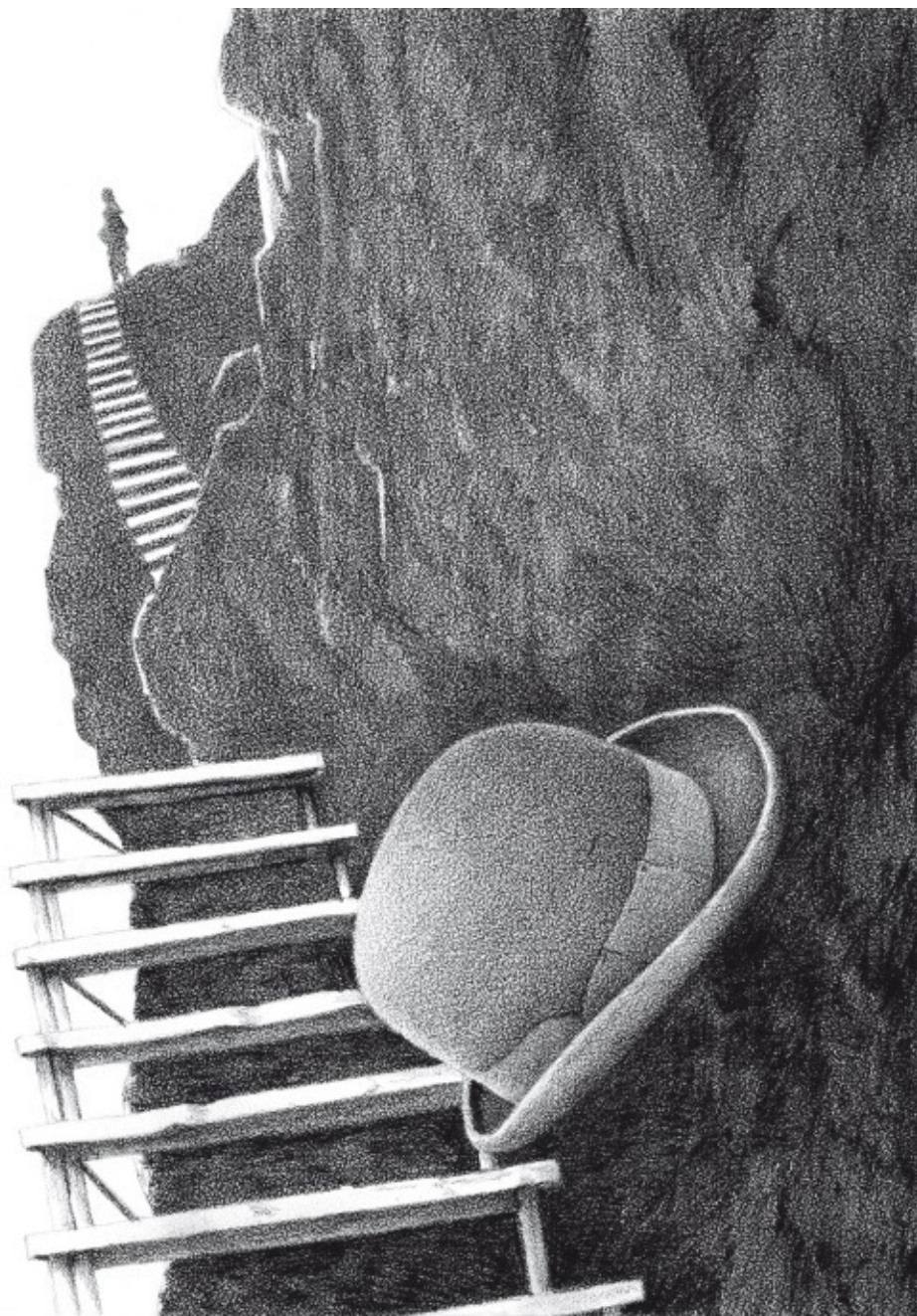
Его улыбка превращается в хищный оскал. Весьма неприятный, по мнению Гвенди Питерсон.

– Надо ли спрашивать о том, что ты и так знаешь?

Прежде чем она успевает сказать еще слово, он начинает спускаться по лестнице. Гвенди пару секунд сидит на скамейке, потом встает, бежит к ржавым перилам на верхней площадке и смотрит вниз. Хотя у мистера Фарриса не было времени, чтобы спуститься до самого низа – совершенно точно не было, – его нигде нет. Почти нет. На середине лестницы, примерно на сто пятидесятой ступеньке, лежит его черная шляпа. То ли оставленная специально, то ли сдутая ветром.

Вернувшись к скамейке, Гвенди убирает пульт управления – *ее* пульт управления – в холщовый мешок на завязке. Потом спускается по лестнице, всю дорогу держась за перила. Поравнявшись с маленькой черной шляпой, раздумывает, не забрать ли ее с собой, затем сшибает шляпу ногой со ступеньки и наблюдает, как та летит вниз и приземляется в сорняки у подножия лестницы. Когда Гвенди возвращается сюда позже тем же днем, шляпы уже нет.

Это 22 августа 1974 года.

Мама с папой на работе, поэтому маленький кейп-код ^[1] на Карбин-стрит в полном распоряжении Гвенди. Она прячет пульт управления под кровать, и он лежит там минут десять, но потом Гвенди понимает, что это не лучшее место для тайника. Она старается поддерживать порядок у себя в комнате, но мама все равно периодически пылесосит и меняет постель каждую субботу (она утверждает, что эту обязанность Гвенди возьмет на себя, когда ей исполнится тринадцать лет – ничего так подарочек на день рождения!). Нельзя, чтобы мама нашла мешок с пультом, потому что все мамы убеждены: у детей не должно быть секретов.

Гвенди подумывает о том, чтобы спрятать пульт на чердаке, но что, если родители все-таки соберутся его разобрать и устроить гаражную распродажу? По той же причине отпадает кладовка над гаражом. У Гвенди появляется мысль (очень взрослая и пока еще непривычная, но позже она превратится в утомительную правду): тайны – это проблема, может быть, самая сложная из всех проблем. Они давят на разум и занимают немалое место в мире.

Потом она вспоминает о дубе на заднем дворе, о дубе с качелями из старой автомобильной крыши, на которых она теперь почти не качается – в двенадцать лет человек уже взрослый для таких малышейых развлечений. Под сплетением искривленных корней есть неглубокая ямка. Раньше Гвенди пряталась в ней, свернувшись калачиком, когда играла с подружками в прятки. Теперь она там уже не поместится («Я бы сказал, ты остановишься на пяти футах и десяти дюймах. Может, даже одиннадцати, – сказал ей мистер Фаррис. – Будешь высокой для девчонки»), но пульт вполне поместится, а холщовый мешок защитит его от дождя. А если дождь будет *сильным*, ей придется искать новое место для тайника.

Гвенди прячет пульт под корнями, идет обратно к дому и вдруг вспоминает про серебряный доллар. Она возвращается к дубу и кладет монету в мешок с пультом.

Гвенди думает, что родители, вернувшись домой, заметят, что с ней произошло что-то странное, что она стала другой, но они ничего не замечают. Как обычно, они поглощены собственными делами, их мысли заняты только работой (папа работает в страховой конторе, мама – секретарем в касл-рокском филиале «Форда»), и, конечно, за ужином они выпивают по паре бокалов. Они всегда так делают. Гвенди съедает весь

ужин – все, что лежит на тарелке, – но отказывается от куса шоколадного торта, который папа купил в кондитерской рядом с работой.

– Боже, ты что, заболела? – спрашивает папа.

Гвенди улыбается.

– Может быть.

Она уверена, что очень долго не сможет заснуть, будет думать о встрече с мистером Фаррисом и о пульте управления, спрятанном под дубом на заднем дворе, но все получается наоборот. Она думает: *Светло-зеленая кнопка – Азия, темно-зеленая – Африка, желтая – Австралия...* и засыпает на этом месте, и просыпается уже утром, когда надо съесть большую тарелку овсяных хлопьев с фруктами и снова бежать вверх по Лестнице самоубийц.

Вернувшись домой – мышцы звенят, в желудке урчит, – Гвенди достает из-под дуба холщовый мешок, вынимает пульт управления и жмет мизинцем на левый рычажок рядом с красной кнопкой. («Все что захочешь», – сказал мистер Фаррис, когда Гвенди спросила о ней.) Щель открывается, выезжает дощечка. На дощечке – шоколадная черепашка, ее панцирь выложен пластинами с тонким, словно выгравированным узором. Гвенди кладет черепашку в рот, и она взрывается сладостью. Голод мгновенно проходит, хотя когда наступает время обеда, она с аппетитом поглощает сэндвич с копченой колбасой и сыром, который ей сделала мама перед тем, как уйти на работу; и овощной салат с французской заправкой, и большой стакан молока. Она смотрит на остатки шоколадного торта в пластиковом контейнере. Выглядит очень даже неплохо, но только в качестве интеллектуального удовольствия. Те же чувства она испытывает, глядя на крутые двухстраничные развороты в книжке комиксов о Докторе Стрэндже, но ей совершенно не хочется съесть эту книжку. И совершенно не хочется торта.

После обеда она едет кататься на велосипеде вместе с подружкой Оливией, а потом идет к Оливии в гости, и они слушают музыку и обсуждают предстоящий учебный год. Они переходят в среднюю школу, что немного пугает, но и вызывает радостное предвкушение.

Гвенди приходит домой до возвращения родителей, вынимает из тайника пульт управления и сдвигает второй рычажок, который называет Денежным. Ничего не происходит; прорезь даже не открывается. Ну и ладно, не страшно. Может быть, потому, что Гвенди – единственный ребенок в семье и ей не надо ни с кем соперничать, она вовсе не жадная. Когда закончатся шоколадки, она будет скучать по ним больше, чем по серебряным долларам. Она надеется, что это случится еще не скоро, а когда

все же случится, ну что ж... *C'est la vie*, как любит говорить папа. Или *merde se*, что означает «дерьмо случается».

Перед тем как убрать пульт в тайник, она смотрит на кнопки и перечисляет все части света, которые соотносятся с ними. Она трогает кнопки одну за другой. Они ее чем-то притягивают; ей нравится, что каждое прикосновение словно наполняет ее изнутри другим цветом, но она избегает черной кнопки. Эта кнопка ее пугает. Ну, то есть... ее немного пугают все кнопки, но черная напоминает большую темную родинку, уродливую и, возможно, злокачественную.

В субботу Питерсоны садятся в свой универсал «Субару» и едут в Ярмут навестить папину сестру. Обычно Гвенди нравится ездить в гости к тете Дотти и дяде Джиму, потому что их дочери-близняшки – ее ровесницы, и они всегда здорово веселятся втроем. Субботними вечерами они ходят в кино (в эту субботу – на сдвоенный сеанс в автомобильном кинотеатре «Прайдс корнер»: «Громила и Скорострел» и «Угнать за 60 секунд»), и если фильм становится скучным, лежат на траве в спальнях мешках и болтают.

В этот раз Гвенди тоже неплохо проводит время, но пульт управления никак не идет у нее из головы. А вдруг его кто-то отыщет и украдет? Она знает, что это вряд ли – грабители полезут в дом и не станут шарить под деревьями на заднем дворе, – но эта мысль не дает ей покоя. Отчасти в ней говорит собственнический инстинкт; это ее пульт. Отчасти ей жаль шоколадок. Однако больше всего ее беспокоят кнопки. Вор их увидит, задастся вопросом, для чего эти кнопки, и станет нажимать. Просто из любопытства. И что тогда будет? Особенно если он нажмет черную кнопку? Которую Гвенди уже начала называть Раковой кнопкой.

Когда мама говорит, что хочет выехать в воскресенье пораньше (днем будет собрание Женского благотворительного общества, и в этом году миссис Питерсон выбрали казначеем), Гвенди только рада. Вернувшись домой, она переодевается в старые джинсы и выходит на задний двор. Она немного качается на качелях, потом делает вид, будто что-то обронила, и встает на одно колено – якобы ищет. На самом деле ей надо проверить, на месте ли холщовый мешок. Он на месте... Но этого мало. Гвенди украдкой запускает руку между двумя искривленными корнями и ощупывает пульт. Пальцы останавливаются на кнопке, Гвенди чувствует под холстом ее выпуклую поверхность и быстро – словно обжегшись – отдергивает руку. Но она все равно испытывает облегчение. Пока на нее вдруг не падает чья-то тень.

– Покачать тебя на качелях, солнышко? – спрашивает папа.

– Не надо. – Гвенди встает и отряхивает колени. – Они мне уже

маловаты, на самом деле. Я лучше пойду посмотрю телевизор.

Папа обнимает Гвенди, поправляет очки у нее на носу, потом запускает пальцы ей в волосы и распутывает парочку колтунов.

– Ты так выросла, – говорит он. – Но все равно ты всегда будешь моей маленькой девочкой. Да, Гвенни?

– Да, папа, – говорит Гвенди и бежит в дом. Перед тем как включить телевизор, она выглядывает во двор из окна над кухонной раковиной (ей больше не нужно вставать на цыпочки, чтобы увидеть, что происходит снаружи). Она наблюдает, как папа толкает качели из автомобильной крыши. Она ждет, не опустится ли он на колени: вдруг ему любопытно, что она там искала. Но папа просто идет в гараж. Гвенди заходит в гостиную, включает телик, где идет «Соул трейн», и танцует под Марвина Гэя.

В понедельник, когда Гвенди приходит домой после пробежки по Лестнице самоубийц, рычажок рядом с красной кнопкой выдает крошечного шоколадного котенка. Гвенди сдвигает второй рычажок, на самом деле ничего не ожидая, но из прорези выезжает дощечка, а на дощечке – еще один серебряный доллар 1891 года, без единой царапинки или потертости на обеих сторонах. Уже потом Гвенди узнает, что такие монеты называются не бывшими в обращении. Она дует на доллар, затуманивая черты Анны Уиллесс Уильямс, затем опять натирает ее до блеска краем футболки. Теперь у нее уже два серебряных доллара, и мистер Фаррис сказал правду о том, сколько они сейчас стоят: этих денег почти хватило бы, чтобы оплатить год обучения в Университете Мэна. Хорошо, что до окончания школы еще несколько лет, потому что двенадцатилетний ребенок вряд ли сможет продать такие ценные монеты. Они вызовут слишком много вопросов.

А уж сколько вопросов вызвал бы пульт!

Она снова трогает кнопки, одну за другой, старательно обходя пальцами страшную черную кнопку, но в этот раз медлит на красной. Вновь и вновь скользит по ней пальцем. Ощущения странные: смесь тревоги и чувственного удовольствия. Наконец она убирает пульт обратно в мешок, прячет его в тайник, садится на велосипед и едет к Оливии. Они пекут клубничные конвертики под присмотром мамы Оливии, потом поднимаются в комнату Оливии и снова слушают музыку. Открывается дверь, входит мама Оливии, но вовсе не для того, чтобы – как думали девочки – попросить их уменьшить громкость. Нет, ей тоже хочется потанцевать. Это весело. Они танцуют втроем и смеются как сумасшедшие, и когда Гвенди приходит домой, она с аппетитом съедает весь ужин.

Но без добавки.

В средней школе оказывается не так уж плохо. Гвенди снова встречается старых друзей и заводит новых. Она замечает, что некоторые мальчишки поглядывают на нее, но это не страшно, потому что среди них нет Фрэнки Стоуна, и никто не называет ее Гудиером. Благодаря Лестнице самоубийц это обидное прозвище упокоилось с миром. На день рождения в октябре она получает в подарок плакат с Робби Бенсоном, маленький телевизор для своей комнаты (боже, какая радость) и уроки по смене постельного белья (не радостно, но и не страшно). Ее принимают в футбольную команду и в легкоатлетическую команду для девочек, где она быстро становится одной из лучших.

Шоколадные зверюшки продолжают исправно поступать из недр пульта – двух одинаковых не было еще ни разу, детали фигурок неизменно поражают воображение. Раз в одну-две недели пульт выдает и серебряный доллар, всегда 1891 года выпуска. Пальцы Гвенди все дольше и дольше застывают на красной кнопке, и иногда она ловит себя на том, что тихонечко шепчет:

– Все что захочешь. Все что захочешь.

Мисс Чайлз, учительница истории в седьмом классе, молода, красива и старается вести уроки так, чтобы детям было интересно. Подчас у нее ничего не выходит, и все старания идут прахом, но иногда она добивается оглушительного успеха. Незадолго до рождественских каникул мисс Чайлз объявляет, что их первым уроком в новом году будет «час любопытства». Каждый ученик должен придумать вопрос по истории, который ему интересен, и мисс Чайлз попытается удовлетворить их любопытство. Если она не сумеет ответить на какой-то вопрос, он будет вынесен на всеобщее обсуждение.

– Только, пожалуйста, не задавайте вопросы о половой жизни президентов, – говорит она, и мальчишки рыдают от смеха, а девочки нервно хихикают.

На первом после каникул уроке истории звучат самые разные вопросы. Фрэнки Стоун интересуется, правда ли, что ацтеки ели человеческие сердца, Билли Дей спрашивает, кто создал каменных истуканов на острове Пасхи, но большинство вопросов на часе любопытства в январе 1975-го – это вопросы «что, если». Что, если бы южане выиграли Гражданскую войну? Что, если бы Джордж Вашингтон умер от голода или обморожения

в Вэлли-Фордже? Что, если бы Гитлер утонул в ванной, когда был маленьким?

Когда приходит черед Гвенди, она готова задать свой вопрос, но все равно слегка нервничает.

– Не знаю, может быть, мой вопрос не по теме, – говорит она, – но мне кажется, он имеет какое-то историческое... э...

– Историческое значение? – подсказывает мисс Чайлз.

– Да! Оно самое!

– Хорошо. Задавай свой вопрос.

– Что, если бы у вас была кнопка... волшебная кнопка... если нажать на нее, можно убить любого, кого захочешь. Или, может быть, не убить, а заставить его исчезнуть. Или взорвать любое место, которое вам хочется уничтожить. Кого вы заставите исчезнуть? Или какое место взорвете?

Класс уважительно молчит, обдумывая столь восхитительно кровожадную идею, но мисс Чайлз хмурится.

– Как правило, уничтожать людей каким бы то ни было способом – это очень плохая идея. Равно как и взрывать *любое* место.

Нэнси Риордан говорит:

– А как же Хиросима и Нагасаки? Вы хотите сказать, это плохо, что мы сбросили на них бомбы?

Похоже, мисс Чайлз слегка растерялась.

– Нет, не совсем, – отвечает она. – Но подумайте обо всех ни в чем не повинных мирных жителях, которые погибли, когда мы сбросили бомбы на эти города. О детях и женщинах. О стариках и младенцах. И о последствиях радиации! От нее умерло еще больше людей.

– Это да, – вставляет Джои Лоуренс, – но мой дед был на войне, сражался с японцами, участвовал в битвах за Тараву и Гуадалканал, и он говорит, там погибло очень много его товарищей. Он говорит, это чудо, что *он сам* не погиб. Дед говорит, если бы не бомбежки Хиросимы и Нагасаки, нам пришлось бы вторгнуться в Японию и мы потеряли бы миллион человек.

Мысль о том, чтобы кого-то убить (или заставить исчезнуть), уже успела забыться, но Гвенди не возражает. Она внимательно слушает.

– Очень верное замечание, – говорит мисс Чайлз. – Ребята, что скажете? Вы бы смогли уничтожить какое-то место, несмотря на потери среди мирного населения? Если да, то какое и почему?

Они обсуждают этот вопрос до конца урока. Ханой, говорит Генри Дюссо. Чтобы пришибить этого Хо Ши Мина и закончить дурацкую войну во Вьетнаме раз и навсегда. Многие с ним соглашаются. Джинни Брукс

считает, что надо стереть с лица земли Советский Союз. Минди Эллертон голосует за уничтожение Китая, потому что ее папа говорит, что китайцы готовы начать ядерную войну – у них слишком много народу. Фрэнки Стоун предлагает избавиться от американских гетто, где «черномазые распространяют наркотики и убивают копов».

После уроков, когда Гвенди садится на велосипед, чтобы ехать домой, к ней подходит мисс Чайлз, улыбается и говорит:

– Хотела поблагодарить тебя за вопрос. Я сначала немного опешила, но потом оказалось, что это был лучший урок за весь год. Но я заметила, ты не принимала участия в обсуждении, и это странно, ведь именно ты задала тот вопрос. Есть ли какое-то место, которое взорвала бы ты, если бы могла? Или кто-то, кого ты хотела бы... от кого ты хотела бы избавиться?

Гвенди улыбается в ответ.

– Я не знаю, поэтому я и спросила.

– Хорошо, что на самом деле такой кнопки нет, – говорит мисс Чайлз.

– Она есть, – возражает Гвенди. – Есть у Никсона. И у Брежнева. И еще у других.

Преподав мисс Чайлз этот урок – не по истории, а по текущим событиям в мире, – Гвенди едет домой на велосипеде, который скоро станет совсем мал для нее.

В июне 1975-го Гвенди перестает носить очки.

Миссис Питерсон увещевает ее:

– Я знаю, девочки в твоём возрасте уже начинают думать о мальчиках. Я ещё помню себя в тринадцать лет. Но мнение, будто мальчики не обращают внимания на девчонок в очках, оно – только не говори папе, что я так сказала – вообще ни хрена не стоит. Мальчики обращают внимание на все, что носит юбку. И тебе, Гвенни, ещё рано думать об этом.

– Мама, а сколько тебе было лет, когда ты стала встречаться с мальчиками?

– Шестнадцать, – мгновенно отвечает миссис Питерсон. На самом деле ей было одиннадцать, когда она впервые поцеловалась с Джорджем Макклелландом на чердаке амбара. Как им обоим досталось, страшное дело! – Гвенни, послушай меня. Ты симпатичная девочка. И в очках, и без очков.

– Спасибо, мама, – говорит ей Гвенди. – Но я действительно лучше вижу без них. Когда я в очках, у меня болят глаза.

Миссис Питерсон не верит и ведёт дочь к доктору Эмерсону, лучшему окулисту Касл-Рока. Он тоже не верит... до тех пор, пока Гвенди не снимает очки и не читает все буквы в офтальмологической таблице вплоть до самой нижней строки.

– Вот ведь как, – говорит доктор. – Я слышал о полном самопроизвольном восстановлении зрения, но такое случается крайне редко. Ты, наверное, ешь много моркови, Гвенди?

– Наверное, – улыбается Гвенди и думает: *Это все шоколадки. Волшебные шоколадные зверьки, которые никогда не заканчиваются.*

Тревожные мысли, что пульт управления могут найти или даже украсть, постоянно присутствуют фоновым шумом в голове Гвенди, но эта тревога никак не влияет на ее повседневную жизнь. Ей приходит на ум, что, может быть, это одна из причин, по которым мистер Фаррис решил дать пульт именно ей. Ведь не зря он сказал, что она *именно та*, для кого он предназначен.

Она хорошо учится в школе. В восьмом классе ей дают одну из главных ролей в школьном спектакле (и Гвенди не забывает ни одной реплики), она продолжает заниматься бегом. Бег – самое лучшее; на дистанции она забывает обо всем, даже тревожный фоновый шум в голове на время умолкает. Иногда она возмущается, что мистер Фаррис нагрузил ее ответственностью за пульт, но такое бывает нечасто. Как говорил мистер Фаррис, пульт дарит подарки. *Маленькая компенсация*, сказал он, но, по мнению Гвенди, компенсация не такая уж маленькая: у нее заметно улучшилась память, ей больше не хочется съесть сразу все, что лежит в холодильнике, у нее стопроцентное зрение, она бежит быстро как ветер, и есть еще кое-что. Мама говорит, что она симпатичная, но подруга Оливия готова пойти еще дальше.

– Господи, ты такая хорошенькая. Просто красotka, – говорит ей Оливия, и, кажется, она не особенно этому рада. Они опять сидят в комнате у Оливии и на этот раз обсуждают загадки и тайны старших классов, к которым им предстоит приобщиться уже совсем скоро. – Ты больше не носишь очки, у тебя ни единого прыщика. Это несправедливо. Скоро тебе придется везде ходить с палкой, чтобы отбиваться от ухажеров.

Гвенди смеется, пытается отшутиться, но она знает, что Оливия в чем-то права. Она *и вправду* хорошенькая – и, вполне вероятно, в будущем станет красавицей. Может быть, к первому курсу университета. Только как быть с пультом управления, когда она уедет учиться? Нельзя же просто оставить его под деревом на заднем дворе!

В первую пятницу в старших классах Генри Дюссо приглашает ее на танцы, не отходит от нее весь вечер, потом провожает до дома, всю дорогу держит за руку и целует ее на прощание. Это не так уж плохо – целоваться с мальчишкой, – только у Генри пахнет изо рта. Гвенди надеется, что следующий парень, с кем она будет целоваться в губы, не станет пренебрегать ополаскивателем для рта.

После танцев она просыпается в два часа ночи, зажимая руками рот, чтобы не закричать, все еще во власти самого страшного из всех кошмаров, которые снились ей в жизни. В этом сне она выглянула в окно над кухонной раковиной и увидела Генри, сидящего на качелях из старой автомобильной покрышки (эти качели папа Гвенди снял еще в прошлом году). Генри держал на коленях пульт управления. Гвенди выскочила во двор и крикнула, чтобы он не нажимал на кнопки, особенно – на черную кнопку.

На какую? На эту? – ухмыльнулся Генри и надавил большим пальцем на Раковую кнопку.

Небо над ними вмиг потемнело. Земля раскатисто заурчала, как живое существо. Гвенди знала, что по всему миру рушились знаменитые сооружения и моря выходили из берегов. Уже совсем скоро – *уже сейчас* – вся планета взорвется, как яблоко с петардой внутри, и между Марсом и Венерой останется только пояс астероидов.

– Это сон, – говорит Гвенди вслух, подходя к окну спальни. – Просто сон.

Да. Дерево стоит на месте, уже без качелей, и никакого Генри Дюссо не видно. Но если бы он завладел пультом, если бы знал, за что отвечает каждая кнопка, что бы он сделал? Нажал бы красную кнопку и взорвал бы Ханой? Или сказал бы: «Чего мелочиться?» – и нажал бы светло-зеленую кнопку?

– И взорвал бы всю Азию, – шепчет она. Потому что да, для того и нужны кнопки. Она это знала с самого начала, как верно заметил мистер Фаррис. Фиолетовая кнопка взорвет Южную Америку, оранжевая – Европу, красная выполнит любое желание, что бы ты ни загадал. А черная кнопка?

Черная уничтожит весь мир.

– Так не бывает, – шепчет она и ложится обратно в постель. – Это безумие.

Но ведь мир безумен. Достаточно включить телевизор и посмотреть новости, чтобы в этом убедиться.

На следующий день, вернувшись домой из школы, Гвенди берет молоток и стамеску и спускается в подвал. Стены в нем каменные, и ей удастся выломать один камень в дальнем углу. Она расширяет тайник стамеской, чтобы туда поместился пульт управления, и постоянно поглядывает на часы, зная, что папа приходит домой ровно в пять, а мама – не позднее половины шестого.

Она бежит к дубу на заднем дворе, вынимает из-под корней холщовый мешок, в котором лежит пульт и целая горсть серебряных долларов (эта горсть уже тяжелее самого пульта, хотя монеты *выходят* из него), и мчится

обратно в дом. Углубления хватает впритык. Вынутый камень встает на место, как последний кусочек пазла. Для верности она прикрывает тайник, затащив в угол старый комод, и наконец с облегчением вздыхает. Теперь пульт в безопасности. Генри точно его не найдет. *Никто* не найдет.

– Лучше бы выкинуть эту чертову штуковину в озеро Касл, – шепчет Гвенди, выходя из подвала. – И дело с концом.

Но она знает, что никогда так не сделает. Это *ее* пульт. Во всяком случае, до тех пор, пока мистер Фаррис не потребует его назад. Иногда ей хочется, чтобы он скорее забрал пульт. Иногда – чтобы не забирал вовсе.

Вернувшись домой, мистер Питерсон с тревогой поглядывает на Гвенди.

– Ты вся потная, – говорит он. – Ты хорошо себя чувствуешь?

Она улыбается.

– Я только-только вернулась с пробежки. У меня все хорошо.

И в основном так и есть.

К окончанию девятого класса Гвенди чувствует себя просто *прекрасно*.

Прежде всего, с начала летних каникул она выросла еще на дюйм и, хотя даже не начался июль, уже приобрела отменный загар. В отличие от большинства одноклассников Гвенди раньше почти не загорала. На самом деле, лишь прошлым летом она в первый раз в жизни решилась выйти на люди в купальнике, да и то в скромном закрытом. В бабушкином купальнике, как поддразнивала ее лучшая подруга Оливия, когда они вместе пошли в бассейн.

Но это было тогда, а сейчас все по-другому. Этим летом – никаких бабушкиных купальников. В начале июня миссис Питерсон везет Гвенди в большой магазин в центре Касл-Рока, и они выбирают ей два отдельных купальника и пляжные шлепанцы в тон. Ярко-желтый купальник и ярко-красный в белый горошек. Желтый нравится Гвенди больше. Она никому об этом не скажет, но когда она смотрится в зеркало у себя в комнате, ей кажется, будто она чем-то похожа на девчонку из рекламы «Коппертоуна». Это очень приятно.

И дело не только в загорелых ногах и бикини в мелкий горошек. Жизнь налаживается по всем фронтам. Взять, к примеру, ее родителей. Она никогда не назвала бы маму с папой законченными алкоголиками – только не вслух и не в разговоре с кем-то посторонним, – но раньше они крепко пили, и Гвенди, кажется, знает причину: в один «прекрасный» момент, скажем, когда Гвенди заканчивала третий класс, ее родители разлюбили друг друга. Как это бывает в кино. Ежевечерние мартини и бизнес-раздел в газете (для мистера Питерсона) и джин с тоником и дамские романы (для миссис Питерсон) постепенно заменили семейные прогулки после ужина и пазлы в гостиной.

Почти все младшие классы Гвенди с немой тревогой наблюдала, как распадается ее семья. Ей никто не говорил, что происходит, и она тоже молчала, не делилась своим беспокойством ни с кем, и особенно – с мамой и папой. Она даже не знала, как подступить к таким разговорам.

А потом, вскоре после того, как у нее появился пульт, все стало меняться.

Однажды вечером мистер Питерсон вернулся с работы пораньше с букетом ромашек (любимых цветов миссис Питерсон) и новостями о неожиданном повышении в должности. Они отпраздновали это радостное

известие пиццей, мороженым с фруктами и – вот сюрприз! – долгой прогулкой по всему району.

А где-то в начале прошлой зимы Гвенди заметила, что ее родители больше не пьют. Не сокращают количество выпитого, а не пьют вовсе. Однажды после уроков, пока родители не вернулись с работы, она обыскала весь дом от подвала до чердака. Гвенди смотрела везде и не нашла ни единой бутылки спиртного. Даже в старом холодильнике в гараже не было ни одной банки «Блэк лейбла», папиного любимого пива. Его сменила упаковка рутбира.

В тот вечер, когда папа поехал за спагетти в «Джинос», Гвенди спросила у мамы, неужели они и вправду бросили пить. Миссис Питерсон рассмеялась.

– Если ты спрашиваешь, посещаем ли мы собрания анонимных алкоголиков и не давали ли мы торжественный обет воздержания отцу О’Мэлли, то нет.

– А чья это была идея? Твоя или папина?

Мама растерянно заморгала.

– Кажется, мы вообще это не обсуждали.

Гвенди не стала спрашивать дальше. Еще одна папина любимая пословица гласила: *дареному коню в зубы не смотрят*.

И буквально неделю спустя – вишенка для этого небольшого чуда. Гвенди вышла на задний двор, чтобы попросить папу свозить ее в библиотеку, и застыла на месте, открыв рот. Мистер и миссис Питерсон держались за руки и улыбались друг другу. Просто стояли в своих зимних куртках, дыша облачками пара в морозном воздухе, и смотрели друг другу в глаза, словно воссоединившиеся влюбленные из «Дней нашей жизни». Гвенди глядела на эту живую картину и чуть не плакала. Глаза щипало от слез. Она уже и не помнила, когда в последний раз видела, чтобы родители смотрели друг другу в глаза с таким чувством. Может быть, никогда. Стоя на нижней ступеньке заднего крыльца, держа в руке меховые наушники, Гвенди думала о мистере Фаррисе и его волшебном пульте управления.

Это все пульт. Я не знаю, как он это сделал – и почему, – но это он. Он, а не я. Как будто он... я не знаю...

– Как будто он зонтик, – прошептала она и поняла, что нашла верное слово. Зонтик, который защищает ее семью и от дождя, и от лютого солнца. Сейчас все хорошо, и, пока не налетит сильный ветер и не вырвет зонтик из рук, все будет хорошо. Но откуда взяться ветру? *Неоткуда. Пока пульт у меня, ничего страшного не случится. Теперь это мой пульт, и я прослежу, чтобы с ним ничего не случилось.*

В четверг вечером в начале августа Гвенди идет выносить мусор в контейнер у дома, и тут к ней подъезжает Фрэнки Стоун на синем «Эль Камино». В магнитоле гремят «Роллинг Стоунз», и Гвенди чувствует запах марихуаны, доносящийся из открытого окна. Фрэнки делает музыку чуть тише.

– Ну что, крошка, прокатимся?

Фрэнки Стоун вырос и изменился, но не в лучшую сторону: волосы сальные, все лицо в россыпи прыщей, самодельная татуировка «AC/DC» на руке. А еще от него жутко воняет потом, всегда. Ходят слухи, что на каком-то концерте он напоил девочку-хиппи рогипнолом, а потом изнасиловал. Может быть, это неправда, Гвенди знает, что дети подчас распускают самые дикие слухи, но Фрэнки определенно *похож* на человека, который запросто подсыплет снотворное девчонке в бокал.

– Не могу, – говорит Гвенди, жалея, что выскочила из дома в коротеньких шортах из обрезанных джинсов и топике на бретельках. Надо было одеться поприличнее. – Мне надо делать уроки.

– Какие уроки? – хмурится Фрэнки. – Сейчас каникулы!

– Я... я взяла летний курс в колледже.

Фрэнки высовывается из окна, и хотя их разделяет не менее десяти футов, Гвенди чувствует запах у него изо рта.

– Ты же не врешь мне, красотка? – ухмыляется он.

– Я не вру. Хорошего вечера, Фрэнки. А я пойду делать уроки.

Повернувшись к нему спиной, Гвенди идет к дому, довольная тем, как лихо отбрила Фрэнки Стоуна. Но не проходит и пяти шагов, как что-то твердое бьет ее сзади по шее. Она вскрикивает – не от боли, а от неожиданности – и оборачивается. У нее под ногами валяется пивная банка, истекающая белой пеной.

– Такая же самодовольная сучка, как все остальные, – говорит Фрэнки. – Я думал, ты не такая, но где там. Прямо вся из себя. Куда уж нам с нашим рылом?

Гвенди трогает шею. Там уже растет болезненная шишка.

– Убирайся, Фрэнки. А то я сейчас позову папу.

– Идите в жопу оба, ты и твой папа. Я тебя знал еще в те времена, когда ты была страшной жирной коровой. – Фрэнки целится в нее из пальца и нехорошо улыбается. – И такой ты и будешь, все еще вернется. Из

жирных девчонок получают жирные тетки. Закон природы. Ладно, Гудьер, до скорой встречи.

Он уезжает, выставив в окно поднятый средний палец. От покрышек несет жженой резиной. Гвенди бежит в дом и только теперь дает волю слезам.

В ту ночь ей снится Фрэнки Стоун. В этом сне она не стоит беспомощно на подъездной дорожке, с сердцем, ушедшим в пятки. В этом сне она бросается к Фрэнки и хватается за левую руку, не давая уехать. Она выворачивает ему руку до тех пор, пока не слышит – и не чувствует, – как ломаются его кости. Он орет дурным голосом, и она говорит: *И как теперь проживает твой знаменитый огромный хер, Фрэнки Стоунер? Небось уже не два фута, а хорошо если два дюйма. Зря ты связался с Хозяйкой пульта управления, очень зря.*

Утром она просыпается и вспоминает свой сон с улыбкой, но, как и большинство снов, он растворяется в лучах восходящего солнца. Она забывает о нем и вспоминает лишь две недели спустя, в субботу утром за завтраком, в разговоре с отцом. Мистер Питерсон допивает кофе и кладет газету на стол.

– Твой приятель Фрэнки Стоун попал в местные новости.

Гвенди перестает жевать.

– Он мне не приятель, я его ненавижу. Что он опять натворил?

– Разбился на машине вчера вечером на Хансон-роуд. Вероятно, был пьян, хотя тут об этом не пишут. Врезался в дерево. Жив, но изрядно помят.

– А точнее?

– Раны на голове и плече, пришлось накладывать швы. Все лицо в мелких порезах. Сломанная рука. Тут написано, множественный перелом со смещением. Заживать будет долго. Хочешь сама почитать?

Папа пододвигает газету ближе к ней. Гвенди отодвигает газету обратно и кладет вилку на стол. Она знает, что больше не съест ни кусочка. И еще точно знает, какую руку сломал Фрэнки Стоун. Разумеется, левую.

В ту ночь, лежа в постели и пытаясь прогнать беспокойные мысли, Гвенди считает, сколько дней остается до конца летних каникул.

Сегодня 22 августа 1977 года. Ровно три года прошло с того дня, когда в ее жизни появились мистер Фаррис и пульт управления.

За неделю до начала учебного года – в десятом классе средней школы Касл-Рока – Гвенди в первый раз почти за год бежит вверх по Лестнице самоубийц. День теплый, но не жаркий. Дует ветерок. Гвенди достигает вершины, почти не вспотев. Она потягивается и, прижав подбородок к груди, смотрит вниз на свои ноги. Она видит не только носки кроссовок, но и кроссовки целиком.

Она подходит к перилам и любит вид. В такое чудесное утро не хочется верить, что смерть существует. Гвенди смотрит на озеро, потом оборачивается к детской площадке. Сейчас там никого нет, кроме молоденькой мамы, качающей малыша на качелях. Взгляд Гвенди падает на скамейку, где сидел мистер Фаррис. Она подходит к ней и садится.

В последнее время тоненький голосок у нее в голове все чаще и чаще задает вопросы, на которые у нее нет ответов. *Почему именно ты, Гвенди Питерсон? Почему из стольких людей на Земле он выбрал тебя?*

Есть и другие вопросы, гораздо страшнее: *Откуда он взялся? Почему он за мной наблюдал? (Он сам так сказал!) Что это за пульт... и что он со мной делает?*

Гвенди долго сидит на скамейке, размышляя и глядя на облака, плывущие в небе. Потом встает, бежит вниз по Лестнице самоубийц и идет домой. Вопросы остаются: *Какую часть своей жизни она творит собственными руками, а какая часть определяется пультом с кнопками и шоколадками?*

Десятый класс начинается просто шикарно. За месяц с начала учебного года Гвенди выбирают старостой класса и капитаном школьной футбольной команды. Ее приглашает на школьный бал Гарольд Перкинс, красавец футболист из выпускного класса (увы, они расстанутся еще до бала, потому что Гвенди посылает беднягу Гарольда куда подальше после первого же свидания, когда он везет ее в автомобильный кинотеатр и во время просмотра «Бриолина» неоднократно пытается облапать). Обжималки-целовалки подождут, как говорит ее мама. На свой шестнадцатый день рождения в октябре она получает в подарок плакат с «Иглз», стоящими перед отелем «Калифорния» (*«Можно выписаться в любую минуту, но уехать нельзя никогда»*), и новую стереосистему для восьмидорожечных и компакт-кассет, а папа клятвенно обещает, что научит Гвенди водить машину, поскольку она уже совершеннолетняя и может сдать на права.

Пульт исправно выдает шоколадных зверюшек, и двух одинаковых не было еще ни разу. Крошечный кусочек божественной сладости, который Гвенди съела сегодня утром перед школой, оказался жирафом, и потом Гвенди специально не стала чистить зубы. Ей хотелось, чтобы этот вкус оставался во рту как можно дольше.

Теперь Гвенди жмет на второй рычажок не так часто, как раньше. По той простой причине, что ей уже негде хранить серебряные монеты. Пока ей достаточно шоколадок.

Она по-прежнему думает о мистере Фаррисе, но уже реже и обычно – долгими, пустыми ночными часами, когда пытается вспомнить, как именно он выглядел и как звучал его голос. Гвенди почти уверена, что однажды видела его в толпе на Хэллоуинской ярмарке Касл-Рока, но она сидела в кабинке на самом верху колеса обозрения, а когда кабинка спустилась вниз, он уже исчез, его поглотила толпа на главной аллее. В другой раз, в Портленде, она зашла в нумизматический магазин с одним из серебряных долларов. Оказалось, их ценность возросла; продавец предложил ей 750 долларов за Моргановский доллар 1891 года и сказал, что он в жизни не видел монету такой великолепной сохранности. Гвенди ответила, что не хочет его продавать, и тут же на месте выдумала историю, будто это подарок бабушки и ей просто хотелось узнать, сколько он стоит. Выйдя из магазина, она заметила человека, наблюдавшего за ней с другой стороны

улицы. Человека в маленькой черной шляпе. Фаррис – *если* это был Фаррис – сверкнул мимолетной улыбкой и исчез за углом.

Он за ней наблюдает? Следит? Такое возможно? Наверное, да.

И, конечно же, она по-прежнему много думает о кнопках, особенно – о красной. Бывает, она подолгу сидит в подвале, прямо на холодном полу, держа на коленях пульт управления, смотрит на красную кнопку, словно в оцепенении, и поглаживает ее кончиком пальца. Она размышляет, что будет, если нажать ее, не загадав четко и ясно, какое место взорвать. Что тогда произойдет? Кто будет решать, что предстоит уничтожить? Господь Бог? Пульт управления?

Через пару недель после похода в нумизматический магазин Гвенди принимает решение разобраться с красной кнопкой раз и навсегда.

На свободном уроке, вместо того чтобы пойти в библиотеку, она идет в пустой класс мистера Андерсона, который преподает мировую историю. Ей нужны две свернутые карты, прикрепленные к доске.

Гвенди уже рассмотрела несколько вероятных мишеней для красной кнопки. Ей не нравится слово *мишени*, но оно идеально подходит, и ничего лучше она все равно не придумала. Среди предварительных вариантов – городская мусорная свалка, загрязненный участок леса за железной дорогой и старая заброшенная автозаправка, где подростки курят траву.

В конце концов Гвенди решает, что мишень нужно выбрать не только за пределами Касл-Рока, но за пределами страны. Лучше перестраховаться.

Она стоит перед доской в классе мистера Андерсона и изучает карту: сначала Австралию (где, как она недавно узнала, более трети всей площади занимают пустыни), потом Африку (у бедных жителей и так хватает проблем) и наконец – Южную Америку.

Из истории и географии Гвенди помнит два важных факта, которые помогают ей принять решение: в Южной Америке находятся тридцать пять из пятидесяти наименее развитых стран мира и такая же доля наименее населенных стран мира.

Теперь, когда выбор сделан, Гвенди не тратит времени даром. Она записывает в тетрадку названия трех маленьких стран: одна – на севере континента, другая – в центре, третья – на юге. Потом бежит в библиотеку, чтобы собрать больше сведений. Она рассматривает фотографии и составляет список самых глухих провинций.

В тот же день, ближе к вечеру, Гвенди сидит на полу перед встроенным шкафом у себя в комнате. Пульт управления лежит у нее на коленях.

Гвенди кладет дрожащий палец на красную кнопку.

Она закрывает глаза и представляет себе крошечный кусочек далекой страны. Самая гуща леса. Дикая джунгли, где нет людей. Гвенди рисует их в воображении как можно подробнее.

Держа в голове эту картинку, она нажимает красную кнопку.

Ничего не происходит. Кнопка не нажимается.

Гвенди жмет еще раз, и еще. Кнопка даже не проседает под пальцем. Похоже, это был розыгрыш. С кнопками. А наивная Гвенди Питерсон поверила.

Почти с облегчением Гвенди уже собирается спрятать пульт в шкаф, но тут ей вдруг вспоминаются слова мистера Фарриса: «Кнопки нажимаются очень туго. Придется жать большим пальцем и прилагать силу. Но это и к лучшему, уж поверь мне на слово».

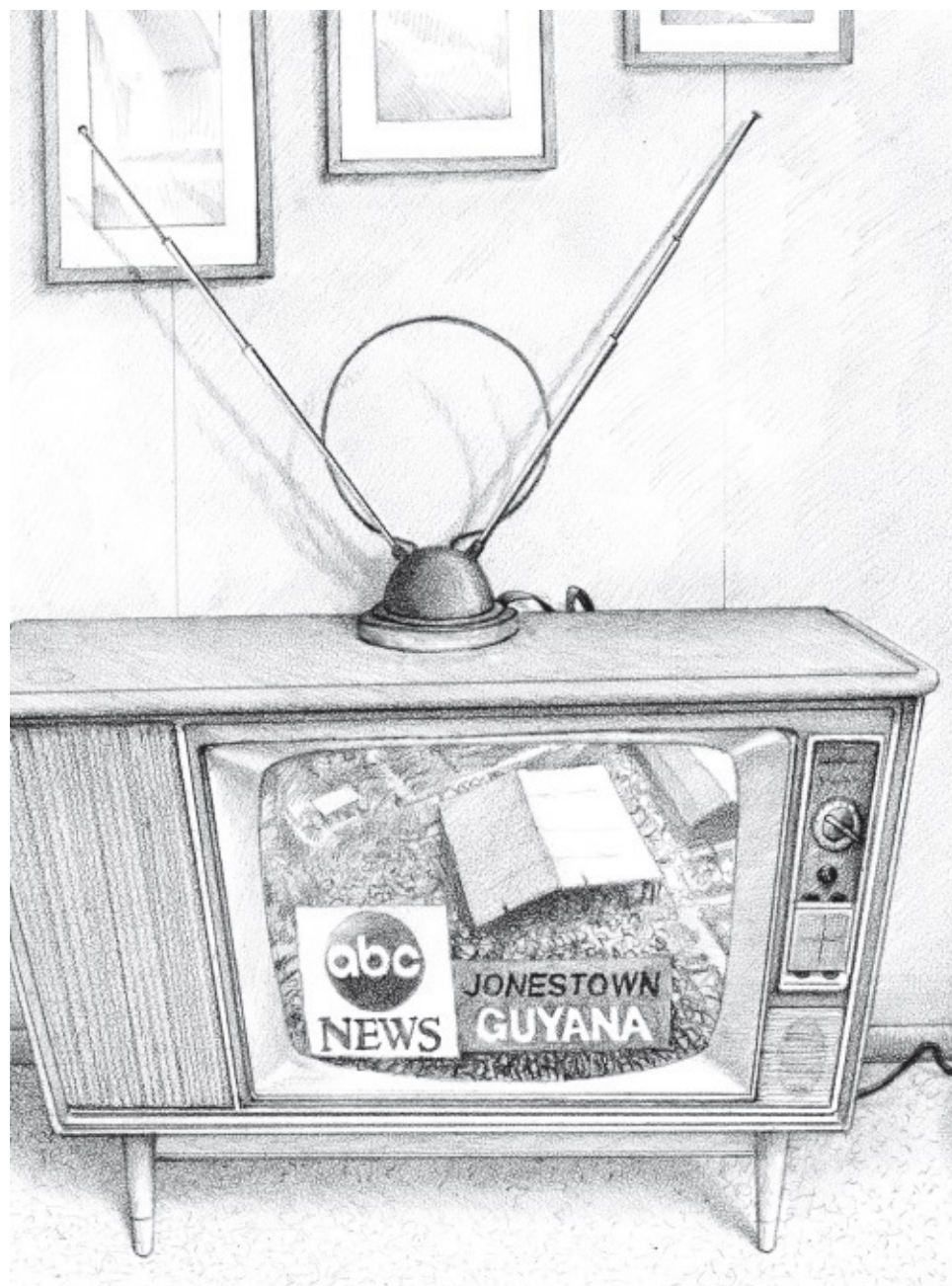
Она опять кладет пульт на колени и давит на красную кнопку большим пальцем. Жмет со всей силы. На этот раз раздается еле слышный щелчок, и Гвенди чувствует, как кнопка уходит вниз.

Она смотрит на пульт и думает: *Только деревья и, может быть, несколько животных. Легкое землетрясение или пожар. Ничего непоправимого.* Потом она убирает пульт в шкаф. У нее горят щеки и почему-то болит живот. Значит ли это, что кнопка сработала?

Следующим утром Гвенди просыпается с температурой. Она не идет в школу и почти целый день спит. Выходит из комнаты только под вечер, чувствуя себя свеженькой и отдохнувшей. В гостиной родители сидят в гробовом молчании, смотрят новости. По выражению их лиц Гвенди понимает: что-то случилось. Она садится на диван рядом с мамой и в ужасе смотрит на Чарлза Гибсона, передающего новости из Гайаны – далекой страны, о существовании которой Гвенди узнала буквально вчера. Человек по имени Джим Джонс, основатель какой-то религиозной секты, совершил самоубийство и приказал девятистам с лишним членам общины последовать его примеру.

На экране сменяют друг друга зернистые фотографии. Тела, разложенные рядами. Густые джунгли на заднем плане. Пары в любовных объятиях. Матери, прижимающие младенцев к бездыханной груди. Так много детей. Искраженные агонией лица. Повсюду копошатся мухи. По словам Чарлза Гибсона, медсестры впрыскивали яд детям в рот, а потом выпивали отраву сами.

Не говоря ни слова, Гвенди возвращается в свою комнату, надевает кроссовки и спортивную куртку. Сначала она собирается пробежаться по Лестнице самоубийц, но решает, что лучше не надо: вдруг не совладает с порывом броситься вниз? Вместо этого она совершает большую трехмильную пробежку вокруг района, ее ноги выбивают стаккато по холодной мостовой, свежий осенний воздух румянит ей щеки. *Это я виновата*, думает Гвенди. Перед глазами стоит картинка: тучи мух вьются над мертвыми младенцами. *Я не хотела, чтобы так получилось, но вот как все обернулось. Это я виновата.*

– Ты посмотрела прямо на меня, – говорит Оливия. Ее голос звучит спокойно, но глаза горят яростью. – Как ты могла меня не увидеть?

– Я тебя не видела, честное слово.

Они сидят в комнате Гвенди, слушают новый альбом Билли Джоэла и якобы готовятся к контрольной по английскому. Теперь уже ясно, что у Оливии очередная ЗАСАДА, как она это называет. В последнее время у нее сплошная ЗАСАДА.

– Как-то не верится.

Гвенди смотрит на нее во все глаза.

– Ты говоришь, что я вру?! С чего бы вдруг я прошла мимо, даже не поздоровавшись?

Оливия передергивает плечами и поджимает губы.

– Я не знаю. Может быть, ты не хотела, чтобы твои новые крутые друзья видели, как ты общаешься с простыми смертными вроде меня.

– Что за бред? Ты моя лучшая подруга, Оливия. Все это знают.

Оливия издает невеселый смешок.

– Лучшая подруга? Когда мы в последний раз виделись на выходных? Я не говорю про вечер пятницы и субботы, когда у тебя вечно свидания, вечеринки, костры. Я говорю про выходные вообще.

– Да, я была занята, – отвечает Гвенди, пряча взгляд. Она знает, что Оливия права, но, с другой стороны, вовсе не обязательно так остро реагировать. – Извини.

– И тебе даже не нравятся все эти парни. Бобби Кроуфорд приглашает тебя на свидание, а ты хихикаешь, крутишь локон на пальце и говоришь: «Почему бы и нет?» – хотя даже не помнишь, как его зовут, и тебе на него наплевать.

И тут Гвенди все понимает. *Как же я не заметила раньше?* – думает она.

– Я не знала, что тебе нравится Бобби. – Она придвигается ближе к Оливии и кладет руку ей на колено. – Честное слово, не знала. Прости. – Оливия молчит. Похоже, ЗАСАДА на этот раз крепкая. – Это было несколько месяцев назад. Бобби – хороший парень, но я была с ним на свидании всего один раз, а потом мы не встречались. Если хочешь, я ему позвоню, расскажу о тебе...

Оливия отталкивает руку Гвенди и резко встает.

– Мне не нужны твои подачки. – Она собирает свои учебники и запихивает их в сумку.

– Это не подачки. Я просто подумала...

– Знаешь, в чем твоя проблема? – говорит Оливия, стоя на пороге. – Ты думаешь только о себе. Ты законченная эгоистка. – Она выходит из комнаты, хлопнув дверью.

Гвенди стоит в недоумении, ее трясет от обиды. Обида быстро сменяется злостью.

– Иди к черту! – кричит она в закрытую дверь. – Сперва разберись со *своей* завистью!

Она падает на кровать, заливаясь слезами. В голове звучит эхо обидных слов: *Ты думаешь только о себе. Ты законченная эгоистка.*

– Это неправда, – шепчет Гвенди, обращаясь к пустой комнате. – Я думаю о других. Я стараюсь быть хорошим человеком. Я совершила ошибку с Гайаной, но я... Я не хотела. И это не я их отравила. *Не я.*

И все-таки это была она, в каком-то смысле.

Обессилов от слез, она засыпает, и ей снятся медсестры, которые ставят детям уколы со смертью, растворенной в шипучке.

На следующий день Гвенди приходит в школу и пытается помириться с Оливией, но та не желает с ней разговаривать. Через день, в пятницу, все повторяется. Перед звонком с последнего урока Гвенди засовывает в шкафчик Оливии записку с извинениями и надеется на лучшее.

В субботу вечером Гвенди идет в кино с очередным ухажером, парнем из одиннадцатого класса по имени Уолтер Дин. По дороге они заезжают в зал игровых автоматов, и перед тем как выйти из машины, Уолтер предлагает ей выпить. Он стащил у мамы бутылку вина. Обычно Гвенди отказывается от таких предложений, но сегодня ей надо отвлечься. Ей плохо и грустно, и, возможно, вино ее развеселит.

Вино нисколько не веселит. От него только болит голова.

Они заходят в зал игровых автоматов. Гвенди кивает знакомым из школы и вдруг замечает Оливию, стоящую в очереди в буфет. Гвенди робко машет рукой, но Оливия ее игнорирует. А через минуту проходит буквально в шаге от Гвенди, держа в руках большой стакан с газировкой, задрав нос кверху и хихикая с какими-то девчонками из другой школы.

– Что это с ней? – спрашивает Уолтер, бросая монетку в автомат с «Космическими захватчиками».

– Долго рассказывать.

Гвенди провожает взглядом подругу, и злость возвращается. Она чувствует, как ее щеки горят от ярости. *Она меня знает с первого класса. Она видела, как надо мной издевались. Эй, Гудиер, где сегодня играют в футбол? Эй, Гудиер, как там вид с высоты? Она должна радоваться за меня. Она должна...*

В двадцати футах от нее Оливия вскрикивает, когда кто-то случайно толкает ее под руку. Ледяная шипучка выплескивается ей в лицо и проливается на новый свитер. Кто-то показывает на нее пальцем, кто-то смеется. Покраснев от смущения, Оливия озирается по сторонам, встречается взглядом с Гвенди и, резко отвернувшись, бежит в туалет.

Гвенди вспоминает свой сон о Фрэнки Стоуне, и ей тоже хочется убежать. Примчаться домой, закрыться в комнате и спрятаться под одеялом.

За день до школьного бала, куда Гвенди собралась пойти с Уолтером Дином, она просыпается позже обычного и узнает, что весь подвал залит водой после особенно сильной весенней грозы, бушевавшей всю ночь.

– Там мокро, как в заднице при поносе, и пахнет не лучше, – говорит ей мистер Питерсон. – Тебе точно надо туда спускаться?

Гвенди кивает, пытаясь скрыть нарастающую панику.

– Нужно проверить, как там старые книги и одежда, которую я отложила в стирку.

Мистер Питерсон пожимает плечами и опять утыкается в телевизор на кухонной стойке.

– Тогда сними тапочки. И хорошо бы еще раздобыть спасательный круг.

Быстро, пока папа не передумал, Гвенди спускается в подвал. Серая пенистая вода доходит ей до щиколоток. Рано утром мистеру Питерсону удалось запустить древний дренажный насос. Гвенди слышит, как он пыхтит в дальнем углу, но там работы до вечера, если не дольше. Судя по влажным отметкам на каменных стенах, уровень воды в подвале снизился максимум на два дюйма.

Она идет к тайнику, где лежит пульт управления, и отодвигает старый комод. Встав на колени, погружает руку в мутную воду и на ощупь сдвигает потайной камень.

Ее пальцы касаются влажной ткани. Она вынимает промокший холщовый мешок из углубления в стене, откладывает в сторону и ставит камень на место, чтобы родители ничего не заметили, когда вода спадет полностью.

Не глядя, Гвенди тянется за мешком с пультом и монетами – но его нет.

Она шарит рукой под водой, пытаясь нащупать мешок, но его по-прежнему нигде нет. У нее кружится голова, перед глазами пляшут черные точки. Она вдруг понимает, что в панике забыла дышать, и широко открывает рот, чтобы втянуть в себя влажный, вонючий воздух. В голове вмиг проясняется.

Гвенди делает еще один вдох, заставляет себя успокоиться и решает, что надо проверить с другого бока. Ее рука сразу же натывается на холщовый мешок. Она поднимается на ноги. Подобно штангисту, выполняющему становую тягу, отрывает от пола тяжелый мешок,

прижимает его к животу и идет к шкафчику рядом со стиральной машиной и сушилкой. Берет два сухих полотенца с самой верхней полки и кое-как заворачивает в них промокший мешок.

– У тебя все в порядке? – кричит папа сверху. Гвенди слышит его шаги прямо над головой. – Помощь нужна? Акваланг? Ласты?

– Нет, – отвечает она и хватает еще одно полотенце, чтобы наверняка скрыть мешок. – Я уже поднимаюсь.

– Ну ладно.

Она снова прислушивается к приглушенным папиным шагам. Шаги удаляются. Слава богу.

Сверток с пультом и монетами очень тяжелый. Кряхтя и отдуваясь, Гвенди тащит его вверх по лестнице. Благополучно добравшись до своей комнаты, она запирает дверь и поспешно разворачивает полотенца. Снаружи пульт вроде бы не поврежден, но кто знает, что там внутри. Она сдвигает левый рычажок и ждет, затаив дыхание. Секунду ей кажется, что ничего не произойдет и что пульт все-таки испорчен, но тут из прорези в боку беззвучно выезжает дощечка, и на дощечке лежит шоколадная обезьянка размером с мармеладное драже. Гвенди быстро сует ее в рот и закрывает глаза, наслаждаясь волшебным вкусом, тающим на языке.

Холщовый мешок порван в нескольких местах и годен только на выброс, но это не повод для беспокойства. Гвенди обводит взглядом комнату, потом открывает шкаф. Внизу громоздятся горы обувных коробок, сложенных как попало. Родители уже давно не заглядывают в ее шкаф.

Она достает из большой картонной коробки пару старых сапог и швыряет их в дальний угол шкафа. В освободившуюся коробку кладет пульт и сыпает монеты. Потом закрывает коробку крышкой и задвигает ее – теперь она слишком тяжелая, чтобы поднять, картон просто не выдержит и порвется – в глубь шкафа, вплотную к задней стенке. Остальные коробки Гвенди распикирует вокруг и сверху.

Закончив работу, она отступает на пару шагов, чтобы оценить результат. Вроде бы ничего не заметно. Гвенди хватается промокший холщовый мешок и идет в кухню, чтобы выбросить его в мусор, а заодно и позавтракать.

Потом она целый день предается безделью, смотрит телевизор и лениво листает учебник истории. Каждые полчаса – больше дюжины раз за день – она поднимается к себе в комнату и проверяет, на месте ли коробка с пультом.

На следующий день, собираясь на школьный бал, она вдруг понимает, что ей не хочется никуда выходить. Не хочется оставлять пульт без

присмотра.

И это теперь моя жизнь? – размышляет она по дороге на бал. Этот пульт – моя жизнь?

Гвенди всерьез не задумывается о продаже серебряных долларов, пока не видит рекламную листовку в витрине кафе. А потом она думает только об этом. Да, однажды она заходила в нумизматический магазин, скорее из интереса. Но теперь многое изменилось. После окончания школы Гвенди хочет учиться в одном из университетов Лиги плюща, а учеба в таком заведении стоит недешево. Она собирается подать заявление на стипендию, и с ее оценками можно рассчитывать на хорошее подспорье, но его вряд ли будет достаточно. Наверное, нет. *Наверняка* нет.

Но зато у нее есть *целая куча* Моргановских серебряных долларов 1891 года выпуска. Больше ста штук, по последним подсчетам.

Гвенди листала прошлые номера «КОЙНидж» в аптеке и знает, что стоимость Моргановских долларов не просто держится, а неуклонно растет. Если верить журнальным статьям, инфляция и неустойчивая обстановка в мире изрядно способствуют укреплению рынка золотых и

серебряных монет. Сначала Гвенди собиралась продать (может быть, в Портленде, а еще лучше – в Бостоне) столько монет, сколько нужно, чтобы оплатить учебу в университете, а как объяснить это внезапное богатство, можно придумать и позже, когда дело будет сделано. Может быть, она скажет, что нашла клад. Трудно поверить, но трудно и опровергнуть. (Хитрые планы шестнадцатилетних редко бывают продуманными до мельчайших деталей.)

Рекламная листовка выставки-продажи монет и почтовых марок наводит Гвенди на новую мысль. У нее рождается план.

Она возьмет две монеты – двух будет достаточно, чтобы прощупать почву, – и прямо с утра в субботу сядет на велосипед и поедет на выставку. Там она все узнает, и если монеты действительно продаются – и по хорошей цене, – можно будет думать дальше.

Первое, на что обращает внимание Гвенди, войдя в субботу, в пятнадцать минут одиннадцатого, в здание местного Комитета ветеранов, это его размеры. Внутри здание оказалось намного больше, чем снаружи. Столы продавцов расставлены длинным замкнутым прямоугольником. Сами продавцы – в основном мужчины – стоят внутри прямоугольника. Посетители выставки, которых уже собралось больше трех дюжин, с настороженными взглядами обходят столы по внешнему периметру, нервно перебирая пальцами. В раскладке коллекций нет никакого порядка: столы с монетами чередуются со столами с марками без всякой системы, многие продавцы представляют коллекции и того и другого. Есть даже пара коллекций редких спортивных карточек и табачных вкладышей. Гвенди с изумлением видит, что карточка Микки Мэнтла с автографом стоит 2900 долларов. В каком-то смысле это ее утешает. По сравнению с такими суммами два ее серебряных доллара представляются сущей малостью.

Она стоит в двух шагах от входа и озирается по сторонам. Для нее здесь все ново и незнакомо, она растеряна и даже немного напугана. Видимо, это заметно со стороны, потому что продавец за ближайшим столом окликает ее:

– Растерялась, красавица? Я могу чем-то помочь?

Это круглолицый мужчина лет за тридцать, в очках и бейсболке «Ориолс». В бороде крошки, в глазах – озорной огонек.

Гвенди подходит к его столу.

– Спасибо, я просто смотрю.

– Смотришь, чтобы купить или чтобы продать? – Его взгляд падает на голые ноги Гвенди и задерживается на них чуточку дольше, чем следовало бы. Потом продавец поднимает взгляд и улыбается, но Гвенди не нравится эта улыбка. И ей больше не нравится блеск в его глазах.

– Просто смотрю, – повторяет она и поспешно отходит от его стола.

В двух столах от нее какой-то мужчина изучает крошечную марку, держа ее пинцетом под лупой. Гвенди слышно, как он говорит продавцу:

– Даю семьдесят долларов, и это уже на двадцатку превысит лимит. Жена убьет меня, если...

Гвенди не задерживается, чтобы узнать, состоялась ли сделка.

На дальнем конце прямоугольника стоит стол, на котором разложены только монеты. В центре верхнего ряда лежит Моргановский серебряный

доллар. Гвенди решает, что это хороший знак. Продавец за столом – лысый старик. Гвенди затрудняется определить его возраст, но он точно подходит ей в дедушки. Он улыбается ей и не пялится на ее ноги. Для начала неплохо. Старик стучит пальцем по бейджу с именем на кармане рубашки.

– Я Джон Леонард, но друзья называют меня просто Ленни. Вид у тебя дружелюбный, так что будем считать, мы друзья. Чем я могу тебе помочь? Хочешь завершить коллекцию Линкольновских центов? Или, может, ты ищешь пять центов с индейцем? Или юбилейные четвертаки разных штатов? Есть редкая Юта, в очень хорошей сохранности.

– На самом деле я бы хотела кое-что продать. Может быть.

– Что ж, давай глянем, что там у тебя, а потом решим, выгорит ли у нас дельце.

Гвенди достает из кармана монеты – каждая в отдельном пластиковом конвертике – и отдает их старику. У него толстые, узловатые пальцы, но они на удивление ловко вынимают монеты из конвертиков. Ленни держит монеты за ребра, не касаясь аверса и реверса. Гвенди видит, как расширяются его глаза. Он тихонько присвистывает.

– Могу я спросить, откуда они у тебя?

Гвенди говорит ему то же самое, что сказала продавцу в портлендском магазине.

– Дедушка умер и оставил их мне.

Кажется, Ленни искренне огорчается.

– Мне очень жаль, милая.

– Спасибо, – говорит она и протягивает ему руку. – Меня зовут Гвенди Питерсон.

Рукопожатие у него крепкое.

– Гвенди. Красивое имя. Мне нравится.

– Мне тоже, – говорит Гвенди с улыбкой. – Что хорошо, потому что мне с ним жить.

Старик включает настольную лампу и берет лупу, чтобы внимательнее рассмотреть серебряные доллары.

– Никогда раньше не видел ни одного в такой отличной сохранности, а тут сразу два. – Он поднимает взгляд и внимательно смотрит на Гвенди. – Можно спросить, сколько вам лет, мисс Гвенди?

– Шестнадцать.

Он щелкает пальцами и указывает на нее.

– Могу поспорить, вы собираетесь купить машину.

Она качает головой.

– Когда-нибудь. Но сейчас я хочу отложить деньги на учебу в

университете. Я хочу поступить в Лигу плюща.

Старик одобрительно кивает.

– Дело хорошее. – Он продолжает рассматривать монеты под лупой. – Скажите мне честно, мисс Гвенди, ваши родители знают, что вы их продаете?

– Да, сэр, они знают. И не возражают, потому что это для благой цели.

Он на миг отрывается от монет и пристально смотрит ей в глаза.

– Но, как я вижу, их с вами нет.

В четырнадцать лет Гвенди не знала бы, что на это ответить, но теперь она старше и вполне в состоянии справиться с заковыристым вопросом. Как говорится, отбить крученный мяч.

– Они сказали, что мне пора привыкать к самостоятельности и надо с чего-то начинать. Я читала журнал. – Она указывает на экземпляр «КОЙНидж», лежащий на столе.

– Ясно. – Ленни кладет лупу на стол. – Что ж, мисс Гвенди Питерсон, Моргановский серебряный доллар этого периода в почти отличной сохранности стоит от семисот двадцати пяти до восьмисот долларов за штуку. Моргановский серебряный доллар в *такой* отличной сохранности...

– Он качает головой. – Честно сказать, я не знаю.

Гвенди мысленно не репетировала эту часть переговоров – да и как бы она могла отрепетировать? – но Ленни ей нравится, и она импровизирует на ходу.

– Моя мама работает в автосалоне, и они иногда отдают автомобили по бросовым ценам, чтобы быстрее продать. Если я продам эти доллары по восьмьсот каждый, это будет достаточно бросовая цена?

– Да, мэм, вполне, – говорит он не задумываясь. – Только, может быть, вам не стоит торопиться? В большом специализированном магазине вам наверняка предложат...

– Если вы их возьмете по восьмьсот, я лучше отдам монеты вам.

Старик издаёт довольный смешок и протягивает ей руку.

– Значит, договорились, мисс Гвенди Питерсон. – Они пожимают друг другу руки. – Я выпишу чек.

– Э... Уверена, Ленни, что вам можно доверять, но я опасаюсь брать чеки.

– И кто станет тебя винить, если я завтра окажусь в Торонто или в Вашингтоне? – Он подмигивает Гвенди. – К тому же у меня есть свое собственное присловье: наличность не проболтается. Зачем дядюшке Сэму знать о наших делах? У него и без нас хватает хлопот.

Ленни возвращает монеты обратно в пластиковые конвертики и прячет

куда-то под стол. Отсчитав шестнадцать хрустящих стодолларовых бумажек – Гвенди до сих пор не верится, что все это на самом деле, – он выписывает квитанцию, отрывает копию и кладет поверх денег.

– На всякий случай здесь есть мой номер телефона. Если вдруг у твоих папы с мамой возникнут вопросы. Ты близко живешь?

– Около мили. Я приехала на велосипеде.

Он задумчиво хмурится.

– Молодой девушке лучше не ездить с такими деньгами одной. Может быть, стоит позвонить родителям, чтобы они тебя забрали?

– Не надо, – говорит Гвенди и улыбается. – Я могу за себя постоять.

От смеха у Ленни дрожат брови.

– Даже не сомневаюсь.

Он кладет квитанцию и деньги в конверт. Сгибает конверт пополам и обматывает его чуть ли не ярдом скотча.

– Ну-ка посмотрим, поместится он к вам в карман?

Гвенди убирает конверт в карман шорт.

– Как миленький, – говорит она, похлопав себя по карману.

– Вы мне нравитесь, девушка. Когда у человека есть стиль и есть твердость характера, это отличное сочетание. – Ленни обращается к продавцу за столиком слева: – Хэнк, присмотришь пару минут за моим барахлом?

– Только если ты принесешь мне газировки, – отвечает Хэнк.

– Договорились. – Ленни выходит из-за стола и провожает Гвенди до двери. – Вы уверены, что все будет в порядке?

– Абсолютно уверена. Еще раз спасибо, мистер Ленни, – говорит Гвенди, ощущая тяжесть денег в кармане. – Было приятно с вами познакомиться.

– Мне было приятнее во сто крат, мисс Гвенди. – Он придерживает перед ней дверь. – Удачи с Лигой плюща.

Гвенди щурится на ярком майском солнце, отцепляя велосипед от дерева. Ей даже в голову не приходило, что у здания Комитета ветеранов не окажется велосипедной стойки. С другой стороны, много ли ветеранов рассекают по Касл-Року на велосипедах?

Она хлопает себя по карману, чтобы убедиться, что конверт на месте, потом садится на велосипед и едет к выезду со стоянки. На полпути замечает Фрэнки Стоуна и Джимми Сайнса, которые бродят среди машин, дергают дверцы и заглядывают в окна. Кому-то сегодня не повезет: бедняга выйдет с выставки монет и марок и обнаружит, что его машину ограбили.

Гвенди крутит педали быстрее, но ускользнуть незамеченной не удается.

– Эй, сиськи торчком! – кричит Фрэнки ей вслед, потом мчится вперед и успевает ее обогнать. Преградив ей дорогу к выезду со стоянки, он машет руками: – Стой, стой, стой!

Гвенди приходится остановиться.

– Фрэнки, отстань от меня.

Он пыхтит, пытаясь отдышаться.

– Я просто хотел тебя кое о чем спросить.

– Ну так спрашивай и уйди с дороги. – Она озирается по сторонам, высматривая пути к отступлению.

Из-за припаркованной рядом машины выходит Джимми Сайнс. Он встает сбоку от Гвенди, скрестив руки на груди, и смотрит на Фрэнки.

– Сиськи торчком?

Фрэнки ухмыляется.

– Это та самая. Я тебе про нее говорил. – Он подходит вплотную к Гвенди и проводит пальцем по ее ноге снизу вверх. Она отталкивает его руку.

– Спрашивай, что хотел, и дай проехать.

– Да ладно тебе, что ты такая сердитая? – говорит Фрэнки. – Я просто переживал за твою сладкую задницу. Она у тебя напряженная, страшное дело. Наверное, срать неудобно? – Он снова хватается за ногу. Уже не пальцем, а всей рукой.

– Эти парни к вам пристают, мисс Гвенди?

Все трое оборачиваются на голос. Никто не заметил, как подошел Ленни.

– Исчезни, дедуля, – говорит Фрэнки, делая шаг к нему.
– Это вряд ли. Гвенди, у вас все в порядке?
– Теперь да. – Она срывается с места и едет к выходу. – Мне пора, а то на обед опоздаю. Спасибо!

Они смотрят ей вслед, потом Фрэнки и Джимми опять оборачиваются к Ленни.

– Ну что, дед? Двое на одного. Мой любимый расклад.

Ленни запускает руку в карман брюк и достает выкидной нож. На серебряной рукояти выгравированы два слова. Единственное изречение на латыни, которое понимают эти двое парней: *Semper Fi*^[2]. Узловатые пальцы делают неуловимое движение, и шестидюймовое лезвие сверкает, отражая солнечный свет.

– Теперь двое на двое.

Фрэнки удирает, только пятки сверкают. Джимми не отстает.

– Да что ж такое?! Опять Гвенди выигрывает!

Салли закатывает глаза и швыряет карты на ковер.

Они вчетвером сидят на полу в гостиной Питерсонов: Гвенди, Салли Аккерман, Бриджит Кавано и Джози Уэйнрайт. Все, кроме Гвенди, учатся в выпускном классе, но в этом учебном году они частые гости в доме Питерсонов.

– Вы тоже заметили, да? – Джози морщит нос. – Гвенди никогда не проигрывает. Ни в чем.

Салли подхватывает:

– Лучшая ученица. Лучшая спортсменка. Самая красивая девочка в школе. И вдобавок еще и мастерский карточный шулер.

– Да ладно вам, – говорит Гвенди, собирая карты. Сейчас ее очередь тасовать и сдавать. – Это неправда.

Но Гвенди знает, что это правда, и хотя Джози просто подкалывает ее в своей обычной дурацкой манере (чего еще ждать от девчонки, которая стремится стать солисткой рок-группы под названием «Киски»?), Салли говорит вполне серьезно. Салли уже надоело, что Гвенди всегда впереди. Салли завидует.

Впервые Гвенди осознала, что у нее появился повод для беспокойства, месяца два назад. Да, она бежит быстрее всех в школе. Возможно, в своей возрастной категории она бежит быстрее всех в округе. Может быть, даже во всем штате. Правда? Да, правда. И взять ее школьные оценки. Она всегда хорошо училась, но в младших классах ей приходилось много заниматься, чтобы получать отличные оценки, и даже тогда у нее были четверки. Сейчас она почти не открывает учебники и все равно учится лучше всех в классе. Иногда она даже специально дает неправильные ответы в контрольных работах, чтобы не получить очередной высший балл. Или заставляет себя проигрывать в карты или в игровых автоматах, чтобы подруги ничего не заподозрили. Но, несмотря на ее усилия, они все равно чувствуют что-то странное.

Кроме кнопок, серебряных долларов и шоколадных зверюшек пульт управления дал ей... что ж, скажем прямо... *сверхчеловеческие способности*.

Правда? Да, правда.

Она больше не получает никаких травм. Ни единого растяжения на

беговой дорожке. Ни единого синяка или ушиба на футбольном поле. Ни единой царапины или ссадины из-за неуклюжести. Ни единого ушибленного пальца или сломанного ногтя. Гвенди уже и забыла, когда в последний раз пользовалась лейкопластырем. Даже месячные проходят легко и стремительно. Никаких болей и спазмов, две-три капельки на прокладке, и все. Гвенди почти не теряет кровь.

Это радует, но одновременно и пугает. Гвенди знает, что это работа пульта управления (или шоколадных зверюшек), но ведь пульт и зверюшки – по сути одно и то же. Иногда она очень жалеет, что ей не с кем об этом поговорить. Иногда она очень жалеет, что их дружбе с Оливией пришел конец. Оливия, наверное, единственный человек на свете, кто мог ее выслушать и поверить.

Гвенди кладет карты на пол и встает.

– Кто будет попкорн? Лимонад?

Поднимаются три руки. Гвенди уходит в кухню.

Осенью и зимой 1978 года в жизни Гвенди происходят большие перемены, и в основном – к лучшему.

В конце сентября она наконец получает водительские права, а через месяц, когда ей исполняется семнадцать лет, родители делают ей сюрприз: дарят слегка подержанный «Форд-Фиеста» из автосалона, где работает мама. Автомобиль ярко-оранжевый, и радиола работает по настроению, но Гвенди это нисколько не расстраивает. Она любит свою машину, украшает ее скромный багажник большими переводными картинками с ромашками и лепит на задний бампер наклейку «НЕТ ЯДЕРНОМУ ОРУЖИЮ», реликт шестидесятых годов.

Также Гвенди устраивается на свою первую настоящую работу (раньше она подрабатывала, присматривая за соседскими детишками и подметая дворы от листьев, но это не в счет): в буфете в автомобильном кинотеатре, три раза в неделю по вечерам. Никого не удивляет, что она сразу зарекомендовала себя как ответственный и исполнительный работник, и уже через два месяца ей повышают зарплату.

Также ее выбирают капитаном школьной сборной по легкой атлетике.

Гвенди по-прежнему размышляет о мистере Фаррисе и по-прежнему беспокоится за пульт управления, но уже без прежнего нервного напряжения. Она по-прежнему запирает дверь своей комнаты на замок, вынимает из шкафа пульт и нажимает на рычажок, выдающий шоколадных зверюшек, но уже не так часто, как раньше. Не больше двух раз в неделю. Иногда даже реже.

На самом деле она сумела расслабиться до такой степени, что однажды поймала себя на мысли: *Может, когда-нибудь ты о нем просто забудешь?*

Но потом она натывается на статью в газете, где говорится о случайной утечке спор сибирской язвы на советском заводе биологического оружия, в результате чего погибло несколько сотен человек и случилась локальная экологическая катастрофа. Гвенди читает статью и понимает, что никогда не забудет о пульте, о его красной кнопке и о принятой на себя ответственности. Но в чем именно заключается эта ответственность? Гвенди точно не знает, но думает, что, наверное, ей надо следить, чтобы мир не вышел из-под контроля. Мысль совершенно безумная, но почему-то кажется правильной.

Под конец одиннадцатого класса, в марте 1979-го, Гвенди смотрит по

телевизору репортаж об аварии на атомной электростанции Три-Майл-Айленд в Пенсильвании. У нее развивается настоящая мания, она пересматривает все газеты с сообщениями об аварии, прежде всего чтобы понять, сколько людей пострадало и как эта авария повлияла на ближайшие города и поселки. Ее беспокоят масштабы бедствия.

Она уговаривает себя, что нажмет красную кнопку и отменит последствия Три-Майл-Айленда, если будет нужно. Вот только Джонстаун никак не идет у нее из головы. Тот религиозный маньяк все равно совершил бы задуманное – или она как-то его подтолкнула? Те безумные медсестры все равно отравили бы малышей – или их разум помутился еще сильнее стараниями Гвенди Питерсон? Что, если пульт управления – как обезьянья лапка в той сказке? Может быть, он исполняет желания, но оборачивает все к худшему? Может быть, это она оборачивает все к худшему?

С Джонстауном я еще не понимала. А теперь понимаю. Но для чего тогда мистер Фаррис поручил мне хранить пульт? Разве не для того, чтобы сделать правильный выбор, когда придет время?

Когда ситуация после аварии выправляется и неоднократные исследования подтверждают, что дальнейшей угрозы не будет, Гвенди рыдает от радости – и облегчения. Как будто увернулась от пули.

В последний четверг учебного года Гвенди приходит в школу и сразу видит скорбные лица учителей и ребят. Группка девчонок о чем-то шепчется у входа в столовую, многие плачут.

– Что случилось? – спрашивает она у Джози Уэйнрайт.

– В смысле?

– Я видела, девочки плачут. Все какие-то огорченные.

– А, ты об этом, – легкомысленно говорит Джози, словно они обсуждают, что она ела на завтрак. – Какая-то девчонка покончила с собой. Вчера вечером. Бросилась с Лестницы самоубийц.

Гвенди вдруг пробирает озноб.

– Какая девчонка? – спрашивает она слабым шепотом, потому что боится, что уже знает ответ. Она не знает, откуда знает его, но у нее нет ни тени сомнения.

– Оливия... э...

– Кепнес. Ее зовут Оливия Кепнес.

– Звали Оливия Кепнес, – говорит Джози и принимается насвистывать «Похоронный марш».

Гвенди хочется ее ударить, врезать ей кулаком прямо по симпатичному веснушчатому лицу, но она не может поднять руку. Тело как будто окаменело. Через пару минут она все-таки заставляет себя сдвинуться с места. Гвенди выходит из школы, идет к машине. Она едет домой и запирается у себя в комнате.

Это я виновата, уже в сотый раз думает Гвенди, сворачивая на стоянку у парка Касл-Вью. Сейчас почти полночь, стоянка пустая. Если бы мы с ней дружили по-прежнему...

Она сказала родителям, что идет ночевать к Мэгги Бин – якобы там соберутся все подружки Оливии, чтобы поделиться воспоминаниями об ушедшей подруге и поддержать друг друга в горе, – и родители ей поверили. Они даже не знают, что Гвенди уже давно не общается с Оливией и ее компанией. Нынешние подруги Гвенди не узнали бы Оливию, даже если бы смотрели на нее в упор. Не считая коротких «Привет!» в школьных коридорах и случайных встреч в супермаркете, Гвенди не разговаривала с Оливией уже полгода, если не больше. Они помирились после той ссоры в комнате Гвенди, но между ними все изменилось. Прежняя дружба не возобновилась. И если по правде, Гвенди об этом ничуть не жалела. В последнее время Оливия сделалась слишком чувствительной, слишком нервной и требовательной, слишком... *Оливией.*

– Это я виновата, – бормочет Гвенди, выходя из машины. Ей хотелось бы верить, что это обычная юношеская тревожность – то, что отец называет подростковым комплексом «все дело во мне», – но она знает, в чем дело. Если бы они с Оливией остались подругами, сейчас Оливия была бы жива.

Сегодня безлунная ночь, и Гвенди забыла захватить фонарик, но это не важно. Решительным шагом она идет сквозь почти непроглядную темноту напрямик к Лестнице самоубийц. Гвенди и сама толком не знает, что будет делать, когда доберется до места.

И лишь на полпути через парк она понимает, что ей совершенно не хочется видеть лестницу. И не только сейчас, а вообще никогда. Потому что – мысль совершенно безумная, но в ночном темном парке она кажется вполне правдоподобной – вдруг Оливия поджидает ее на середине подъема? Оливия с проломленным черепом и одним глазом, свисающим на щеку? А вдруг Оливия столкнет ее вниз? Или уговорит прыгнуть?

Резко развернувшись, Гвенди бежит обратно к машине и едет домой. Кажется, она знает, что надо сделать, чтобы больше никто – никогда – не спрыгнул с этой проклятой лестницы.

«Касл-Рок колл»

Субботний выпуск – 26 мая 1979

В пятницу, 25 мая, в промежутке между 01:00 ночи и 06:00 утра парк Касл-Вью лишился исторического участка на северо-восточной окраине. По неизвестным причинам обрушилась часть утеса вместе с металлической лестницей, смотровой площадкой и прилегающей территорией площадью около половины акра.

Следственная бригада ведет осмотр места происшествия, но пока неизвестно, стало ли обрушение результатом стихийного бедствия или же здесь присутствует чей-то злой умысел.

«Случай действительно странный, и пока рано давать комментарии, – заявил шериф Касл-Рока Уолт Баннерман. – Мы не знаем, что это было: небольшое землетрясение или чья-то диверсия с целью обрушить лестницу. Из Портленда к нам уже выехала дополнительная следственная бригада, но они прибудут на место не раньше завтрашнего утра. Думаю, мы их дождемся, и когда что-то выяснится, сделаем заявление для прессы».

Буквально на днях в парке Касл-Вью случилась трагедия. У подножия утеса было найдено тело семнадцатилетней девушки...

После этого Гвенди лежит пластом несколько дней. С температурой и жутким расстройством желудка. Мистер и миссис Питерсон уверены, что их дочь разболелась от горя. Но Гвенди знает, в чем дело. Это все из-за пульта. Это цена, которую она должна заплатить за то, что нажала красную кнопку. Она слышала грохот падающих камней, и ей пришлось бежать в ванную, чтобы ее не стошнило прямо на пол.

Утром в понедельник она кое-как заставляет себя принять душ и переодеться во что-то приличное, чтобы ехать на похороны Оливии. Но лишь потому, что мама подняла ее чуть ли не силой. Если бы все зависело только от Гвенди, она бы не вышла из комнаты. Пока ей не исполнится лет двадцать пять.

В церкви настоящее столпотворение. Присутствуют почти все старшие классы Касл-Рока – и учителя, и ученики; даже Фрэнки Стоун сидит, ухмыляется в заднем ряду, – и Гвенди ненавидит их за то, что они здесь собрались. Никто из них не любил Оливию, когда она была жива. Никто ее даже не знал.

Никто не знал ее так, как знала я, думает Гвенди. Но я хотя бы что-то сделала. Да. Больше никто не бросится с этой лестницы. Никогда.

После службы они едут на кладбище, и когда Гвенди уже возвращается к машине родителей, кто-то ее окликает. Она оборачивается и видит отца Оливии.

Мистер Кепнес – невысокий крепыш с румяными круглыми щеками и добрыми глазами. Гвенди он всегда нравился, и у них были очень хорошие отношения, может быть, потому, что когда-то они оба страдали от лишнего веса, а может, потому, что мистер Кепнес очень добрый, а таких людей не часто встретишь.

Она неплохо держалась во время заупокойной службы, но теперь, когда папа Оливии бросился к ней с распростертыми объятиями, не выдержала и разрыдалась.

– Все хорошо, милая, – говорит мистер Кепнес, крепко сжимая Гвенди. – Все хорошо.

Гвенди яростно трясет головой.

– Нет...

Ее лицо все в слезах и соплях. Она вытирает нос рукавом.

– Послушай меня. – Мистер Кепнес смотрит на Гвенди в упор, не

давая ей отвести взгляд. Так не должно быть. Папа семнадцатилетней девчонки, покончившей с собой, не должен утешать ее подругу... *бывшую* подругу... но именно это он и делает. – Все будет хорошо. Я знаю, сейчас трудно в это поверить, но потом все наладится. Потому что иначе – никак. Поняла?

Гвенди кивает и шепчет:

– Поняла.

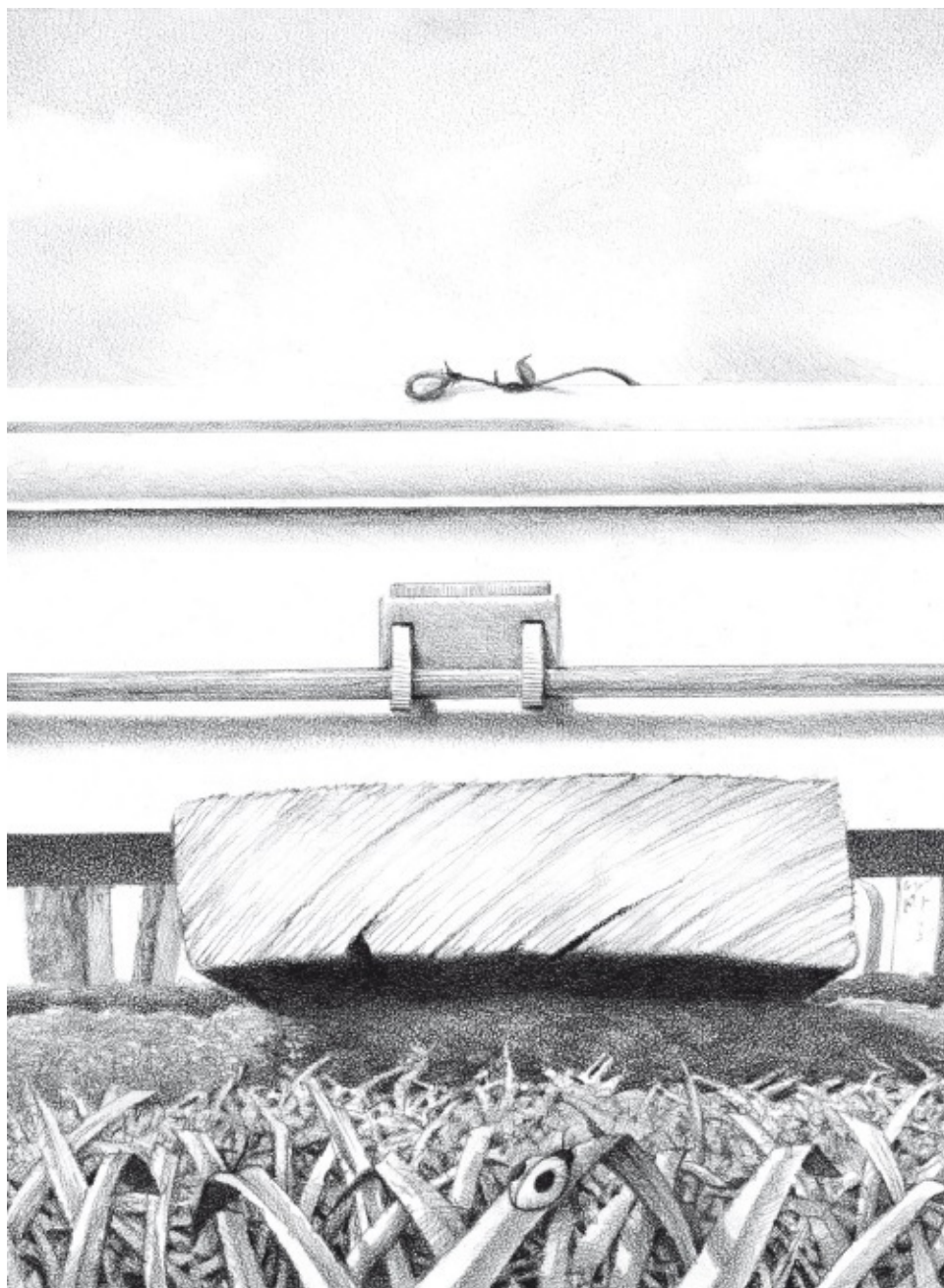
Она просто хочет домой.

– Ты была ее лучшей подругой, Гвенди. Может быть, через пару недель заглянешь к нам в гости? Посидим, пообедаем, вспомним Оливию. Думаю, ей бы это понравилось.

Это уже чересчур, Гвенди больше не выдержит. Вырвавшись из его крепких объятий, она мчится к машине. Родители бросаются следом, пробормотав сбивчивые извинения.

До конца учебного года остается два дня, но все уроки отменены из-за трагедии. Всю следующую неделю Гвенди проводит на диване в гостиной, зарывшись под плед. Ей снятся кошмары – в самом страшном из них участвует человек в черном костюме и черной шляпе, человек с блестящими серебряными монетами вместо глаз, – и она просыпается от собственных криков. Она боится, что разговаривает во сне. Боится, что родители могут подслушать.

В конце концов жар спадает, и Гвенди возвращается в мир. На летних каникулах она берет дополнительные смены в буфете в автомобильном кинотеатре, чтобы загрузить себя работой. В свободное время она совершает долгие пробежки по иссушенным солнцем улицам Касл-Рока или запирается у себя в комнате и слушает музыку. Все что угодно, лишь бы отвлечься от мрачных мыслей.

Пульт управления спрятан в шкафу. Гвенди по-прежнему думает о нем – еще бы не думать! – но не желает к нему прикасаться. Ей ничего от него не нужно. Никаких шоколадных зверюшек, никаких серебряных долларов, и самое главное – никаких чертовых кнопок. Она ненавидит этот проклятый ящик и все, о чем он ей напоминает. Она фантазирует, как было бы здорово избавиться от него навсегда. Расколотить кувалдой или завернуть в старое одеяло и отвезти на мусорную свалку.

Но она знает, что никогда так не сделает. *А вдруг его кто-то найдет?*

Вдруг кто-то нажмет на кнопки?

Пульт так и лежит в темноте, в самом дальнем углу шкафа, собирая пыль и паутину. *По мне, так пусть он там сгниет*, думает она.

Гвенди загорает на заднем дворе, слушая в плеере Боба Сигера и «Сильвер буллет бэнд». Миссис Питерсон выходит к ней со стаканом воды со льдом. Присев на краешек шезлонга, передает ей стакан.

– Как ты, солнышко?

Гвенди снимает наушники и отпивает глоток ледяной воды.

– У меня все хорошо. – Миссис Питерсон пристально смотрит на дочь. – Ладно, может, не все хорошо, но уже лучше.

– Я очень на это надеюсь. – Мама касается ноги Гвенди и легонько сжимает. – Ты знаешь, мы с папой всегда тебя выслушаем, если тебе вдруг захочется поговорить. О чем угодно.

– Я знаю.

– Просто ты такая тихая в последнее время. Мы за тебя беспокоимся.

– Я... Мне нужно о многом подумать.

– Ты так и не перезвонила мистеру Кепнесу?

Гвенди не отвечает, только трясет головой.

Миссис Питерсон встает с шезлонга.

– Главное, помни одно.

– Что именно?

– Потом станет легче, поверь. Так устроена жизнь.

Почти то же самое ей говорил папа Оливии. Гвенди надеется, что это правда, но у нее есть сомнения.

– Мама? – Миссис Питерсон останавливается и оборачивается к ней. – Я тебя люблю.

Как оказалось, мистер Кепнес ошибался, а миссис Питерсон была права. Совсем хорошо все не стало, но стало лучше.

Гвенди знакомится с парнем.

Его зовут Гарри Стритер. Ему восемнадцать. Он высокий, красивый и веселый. Гарри только недавно приехал в Касл-Рок, буквально пару недель назад (его отца перевели сюда на работу), и если это не классический случай любви с первого взгляда, то весьма близко к тому.

Гвенди стоит за прилавком, принимает заказы, отпускает стаканчики с политым маслом попкорном, тянучки, конфеты-шипучки и газировку. Гарри заходит в буфет со своим младшим братом. Она сразу его замечает, а он замечает ее. Когда подходит его очередь, вспыхивает пресловутая искра, и они оба мямлят и не могут договорить ни одной фразы.

Назавтра Гарри приходит снова, теперь уже без брата, хотя сеанс тот же самый, что был вчера, «Ужас Амитивилля» и «Фантазм», и опять встает в очередь. На этот раз вместе с маленькой порцией попкорна и газировкой он просит Гвенди дать ему номер ее телефона.

Он звонит на следующий день и вечером приезжает за ней на «Мустанге» с откидным верхом, красном, как яблоко в карамели. Блондин с голубыми глазами, Гарри похож на кинозвезду. На первом свидании они едут в боулинг и ужинают в пиццерии, на втором – катаются на роликах на роллердроме в Гейтс-Фоллс, и после этого они уже неразлучны. Пикники у озера Касл, поездки на целый день в Портленд, где много музеев и огромный торговый центр, кино, прогулки по городу. Они даже бегают вместе, в едином темпе.

К началу учебного года Гвенди уже носит на шее серебряную цепочку со школьным кольцом Гарри и пытается сообразить, как заговорить с мамой о контрацепции. (Разговор состоится лишь через два месяца после начала учебы в выпускном классе, и все окажется не так страшно: мама не только поймет, но и сама позвонит врачу, чтобы записать Гвенди на прием, – браво, мама!)

Есть и другие перемены. К неудовольствию и досаде тренерского состава и товарищей по команде, Гвенди решает уйти из школьной футбольной команды. Ее сердце уже не лежит к футболу. К тому же Гарри далек от спорта, он всерьез увлекается фотографией, и если Гвенди бросит футбол, у них появится больше времени друг для друга.

Гвенди еще никогда в жизни не была такой счастливой. Конечно, она не забыла про пульт управления, но теперь он кажется сном из далекого детства. *Мистер Фаррис. Шоколадные зверьки. Серебряные доллары. Красная кнопка. Было ли это на самом деле?*

Однако бег остается. Бег – это святое. В конце ноября открывается легкоатлетический сезон в закрытых помещениях, и Гвенди готова к подвигам и свершениям. Гарри приходит на каждое соревнование, стоит прямо у беговой дорожки, фотографирует и подбадривает Гвенди. Хотя она тренировалась все лето и осень, результаты разочаровывают: она занимает четвертое место на окружном чемпионате и впервые за все старшие классы не проходит на чемпионат штата. В декабре выясняется, что Гвенди заканчивает полугодие с двумя четверками. На третий день зимних каникул она просыпается рано утром и идет в туалет. Закончив свои дела, правой ногой выдвигает из-под ванны весы и встает на них. Предчувствие ее не обмануло: она набрала шесть фунтов.

Ее первое побуждение – умчаться к себе, запереть дверь на ключ, вытащить из тайника пульт управления и нажать на рычажок, выдающий волшебные шоколадки. Она явственно слышит голоса у себя в голове, скандирующие: *Гудиер! Гудиер! Гудиер!*

Но она никуда не бежит.

Медленно опустив крышку, Гвенди садится обратно на унитаз. *Ладно, давайте посмотрим. Я завалила беговой сезон, получила две четверки в семестре (одну из них – с большой натяжкой, хотя мама с папой об этом не знают) и набрала вес (целых шесть фунтов!) впервые за несколько лет – и все равно я самый счастливый человек на свете.*

Не нужен мне никакой пульт, размышляет она. И самое главное, мне и не хочется его помощи. Когда она это понимает, ее сердце поет, воспаряя ввысь. Она возвращается к себе в комнату легкой, танцующей походкой, с улыбкой на губах.

На следующее утро Гвенди просыпается на полу рядом со шкафом.

Она прижимает к груди пульт управления, словно это любовь всей ее жизни, а ее правый большой палец лежит всего в полудюйме от черной кнопки.

подавив крик, она отдергивает руку и по-крабьи ползет прочь от шкафа. Отодвинувшись на безопасное расстояние, поднимается на ноги и замечает одну деталь, при виде которой у нее кружится голова: из прорези в пульте выдвинута дощечка. На дощечке лежит крошечный шоколадный попугай с рельефными, тщательно обозначенными перышками.

Больше всего Гвенди хочется броситься прочь из комнаты, захлопнуть за собой дверь и никогда сюда не возвращаться – но она знает, что этого делать нельзя. А что *можно* сделать?

Она с опаской приближается к пульту. В голове возникает пугающий образ: в берлоге спит дикий зверь, готовый проснуться в любой момент. Она думает: *Пульт не просто дает тебе силу, он и есть сила.*

– Но я не... – бормочет она. *Что «не»?* – Не сдамся.

Чтобы не струсить, она не дает себе времени на раздумья. Наклоняется и хватается шоколадного попугая. Потом пятится к двери, боясь повернуться к пульту спиной, выбирается в коридор и мчится в ванную, где швыряет шоколадку в унитаз и спускает воду.

И какое-то время все идет хорошо. Пульт управления снова заснул, но Гвенди не доверяет ему ни на йоту. Потому что даже если он спит, он все равно спит вполглаза.

В начале последнего семестра выпускного класса происходит два важных события. Приходит ответ на заявление Гвенди о поступлении на психологический факультет Университета Брауна: ее досрочно зачислили на первый курс. И она в первый раз спит с Гарри.

У них было несколько неудачных попыток за последние пару месяцев – с тех пор как Гвенди начала принимать противозачаточные таблетки, – но каждый раз она чувствовала, что пока не готова, и галантный Гарри Стритер не настаивал. Наконец все случается дома у Гарри, при свечах в его комнате, вечером в пятницу, когда его папа уходит на какую-то корпоративную вечеринку. Все так же прекрасно и так же неловко, как и ожидалось. Чтобы добиться необходимых улучшений, Гвенди с Гарри делают это снова в ближайшие два вечера, на заднем сиденье его «Мустанга». Там тесновато, но улучшения определенно присутствуют.

Весной Гвенди возобновляет беговые тренировки на стадионе и на первых же двух состязаниях входит в тройку лидеров. В таблице снова одни пятерки (хотя общий балл по истории опасно склоняется в зону твердой четверки), и с прошлого Рождества Гвенди ни разу не вставала на весы. Эти глупости ее больше не волнуют.

Ей по-прежнему иногда снятся кошмары (и по-прежнему самый страшный из них – кошмар с участием хорошо одетого человека с серебряными монетами вместо глаз), и она знает, что пульт управления хочет ее вернуть, но Гвенди старается об этом не думать. Обычно у нее получается. Благодаря Гарри и всему тому, что она называет своей новой жизнью. Она мечтает о том, чтобы мистер Фаррис пришел и забрал у нее пульт управления, освободив от ответственности. Или чтобы пульт просто о ней позабыл. Кому сказать – засмеют, но Гвенди уже давно пришла к мысли, что пульт в каком-то смысле живой.

Вот только никто ни о чем не забудет. Она убеждается в этом в один ветреный апрельский день, когда они с Гарри запускают воздушного змея на лугу за школьным бейсбольным полем (Гвенди была просто в восторге, когда Гарри пришел к ней с воздушным змеем). Она замечает что-то маленькое и темное, движущееся в траве под деревьями на границе школьной территории. Сначала она думает, что это какой-то зверек. Может быть, кролик или лесной сурок. Но когда он приближается – кажется, что он движется прямо к ним, – она понимает, что это никакой не зверек. Это

шляпа.

Гарри держит в руках веревку и смотрит на красно-бело-синего воздушного змея, парящего в вышине. Смотрит и улыбается. Он не видит черную шляпу, катящуюся по траве не вместе с ветром, а против ветра. Гарри не замечает, что шляпа слегка замедляется, приближаясь, а потом резко меняет направление и описывает полный круг вокруг его девушки, оцепеневшей от ужаса – словно целует ее, радуясь встрече: так приятно увидеться снова, – а потом катится прочь и исчезает за трибуной, что тянется вдоль линии третьей базы.

Гарри ничего этого не замечает, потому что сегодня чудесный весенний день, и он запускает воздушного змея со своей девушкой – любовью всей его юной жизни, – и эта жизнь невыразимо прекрасна.

Первая половина мая проходит словно в тумане: уроки, контрольные тесты, подготовка к экзаменам и планы на выпускной. Надо продумать все детали от размеров мантий и шапочек до рассылки приглашений и утверждения программы торжественного вручения аттестатов. Выпускные экзамены начинаются 19 мая, а вручение аттестатов состоится во вторник, 27-го, на футбольном поле.

У Гвенди и Гарри все уже решено. После торжественной церемонии они быстро съезжают домой переодеться и будут всю ночь веселиться на выпускной вечеринке у Бриджит Дежарден, самой крутой вечеринке во всех старших классах. Следующим утром они отправятся в недельный поход на залив Каско, только вдвоем. Вернувшись домой, оба продолжают работать: Гвенди – в буфете в автомобильном кинотеатре, Гарри – в хозяйственном магазине. В начале августа они на десять дней поедут на море с семьей Гарри. Дальше у них начнется учеба (у Гвенди – в Университете Брауна, у Гарри – в Провиденс-колледже, совсем рядом), а вместе с ней и новый, волнующий этап в жизни. Они с нетерпением смотрят в будущее.

Гвенди знает, что ей надо будет решить, что делать с пультом управления, когда придет время ехать в университет. Но с этим можно не торопиться – у нее есть еще несколько месяцев, – и сегодня вечером ее мысли заняты совсем другим. Сейчас она выбирает платье для вечеринки у Бриджит. Дело первостепенной важности.

– Господи, – улыбается Гарри. – Да бери первое, что попадетсЯ. Или иди так, как есть.

Как есть означает в лифчике и трусах.

Гвенди тычет его пальцем под ребра и перелистывает страницу каталога.

– Вам легко говорить, мистер. Ты наденешь старые джинсы с драной футболкой и все равно будешь выглядеть на миллион.

– А ты в белье выглядишь на *миллиард*.

Они валяются на кровати в комнате Гвенди. Гарри играет с ее волосами; Гвенди рассматривает глянцевый каталог «Браун». Мистер и миссис Питерсон ушли в гости к соседям и вернутся лишь ближе к ночи. Гвенди с Гарри пришли к ней домой час назад, и Гвенди с некоторым удивлением обнаружила, что входная дверь не заперта. Причем не просто

не заперта, а даже чуть-чуть приоткрыта. (Ее папа всегда запирает дверь в дом с маниакальной тщательностью; он говорит, что Касл-Рок уже давно не тот маленький тихий городок, каким был раньше.) Но иногда люди бывают забывчивыми, даже самые ответственные и внимательные, да и папа не молодеет с годами. Ни Гвенди, ни Гарри не замечают ничего подозрительного – их мысли заняты выпускной вечеринкой, не говоря уже о получасе райского наслаждения в постели. Они не видят никаких следов взлома. Никаких сколов и щепок вокруг замка.

– Нет, правда, – говорит Гарри сейчас. – Ты сногсшибательна в любом наряде.

– Просто никак не могу решить, надеть что-нибудь модное без бретелек или что-нибудь длинное, летнее и свободное. – Она швыряет каталог на пол и встает с кровати. – Я знаю! Ты выберешь сам! – Она идет к шкафу, открывает дверцу... и чувствует его запах еще прежде, чем видит его самого: пиво, дешевые сигареты и едкий пот.

Она пытается обернуться, позвать Гарри, но не успевает. Две сильные руки вырываются из темноты в глубине шкафа, хватают ее и валят на пол. Она наконец обретает голос:

– Гарри!

Он уже вскочил с кровати и мчится к ним. Он бросается на того, кто схватил Гвенди, и они катятся по полу среди выпавших вешалок и одежды.

Гвенди, совершенно ошеломленная, сидит, привалившись спиной к стене, и наблюдает, как Фрэнки Стоун – в камуфляжных штанах, темных очках и футболке, словно солдат на секретном задании – борется на полу с ее парнем. Это плохо, но есть кое-что гораздо хуже: погребенные под упавшей одеждой, в шкафу рассыпаны серебряные монеты, и... из-под завалов виднеется пульт управления. Наверное, Фрэнки нашел его, пока ждал, когда Гвенди откроет шкаф. Или когда уйдет Гарри.

Он нажимал какие-то кнопки?

Может быть, Африки уже нет? Или Европы?

Парни врезаются в ночной столик. Косметика и расчески обрушиваются прямо на них. С Фрэнки слетают его шпионские очки. Гарри, который тяжелее Фрэнки как минимум на тридцать фунтов, пригвозждает мелкого, тощего отморозка к полу.

– Гвен? – Голос Гарри звучит совершенно спокойно. – Звони в полицию. Я держу этого ублюдка...

И вот тут все становится *очень* плохо. Фрэнки тощий, как глист, Фрэнки не назовешь горой мышц, но то же самое можно сказать о змее. Он извивается ужом, сначала пытается вырваться, а потом исхитряется согнуть

ногу и вдарить коленом прямо Гарри в пах. Гарри глухо вскрикивает и сгибается пополам, насколько это возможно в таком положении. Фрэнки высвобождает одну руку, делает из пальцев козу и вонзает их Гарри в глаза. Гарри кричит в голос, прижимает ладонь к лицу и перекачивается на бок.

Гвенди резко поднимается на ноги и видит, как Фрэнки бросается к ней, вытянув руку, чтобы ее схватить. Второй рукой он пытается что-то достать из кармана своих камуфляжных штанов. Но прежде чем он успевает прикоснуться к Гвенди, Гарри наваливается на него сзади. Сцепившись друг с другом, они падают в шкаф, срывая оставшиеся там вешалки с одеждой, и Гвенди не видит уже ничего, только гору тряпья, которая как будто дышит.

Потом из этой горы появляется рука: тощая, грязная, с синими татуировками, оплетающими тыльную сторону ладони. Рука шарит вслепую и вдруг натывается на пульт управления. Гвенди пытается закричать, но голоса нет; горло свел спазм. Пульт опускается углом вниз. Один раз... второй... третий. Первый удар в голову Гарри почти не слышен, звук приглушен одеждой. Во второй раз удар уже громче. В третий раз раздается пугающий треск, словно сломалась сухая ветка, и теперь угол пульта покрыт кровью с прилипшими к ней волосами.

Гора одежды резко вздувается и рассыпается. Из-под нее появляется Фрэнки. Он ухмыляется, по-прежнему сжимая в руке пульт управления. У него за спиной Гвенди видит Гарри. Его глаза закрыты, а рот открыт.

– Не знаю, что это, красотка, но бьет оно знатно.

Гвенди бросается к Гарри. Фрэнки не пытается ее остановить. Она падает на колени, приподнимает голову Гарри одной рукой, а другую руку подносит к его рту и носу, сложив ладонь чашечкой. Но она уже знает... Пульт управления всегда был легким, но сегодня буквально на пару минут сделался очень тяжелым, потому что ему так *хотелось*. Этой пары минут Фрэнки Стоуну хватило, чтобы пробить череп Гарри Стритера. Ее ладонь не чувствует его дыхания.

– Ты убил его! Гад и мразь, *ты его убил!*

– Да, может быть. И хрен с ним. – Его совершенно не интересует мертвый парень. Он пожирает взглядом полуголую Гвенди, и она понимает, что он сумасшедший. Пульт управления, способный уничтожить весь мир, оказался в руках сумасшедшего отморозка, который воображает себя зеленым беретом, или морским котиком, или кем-то еще. – Для чего эта штукавина? Ну, кроме того, что ты в ней хранишь свой запас серебряных долларов? Кстати, сколько они могут стоять, Гвенни? И для чего эти кнопки?

Он прикасается к зеленой кнопке, потом – к фиолетовой. Его омерзительно грязный большой палец тянется к черной кнопке, и Гвенди делает то единственное, что может сделать. Единственное, что приходит на ум. Только она не раздумывает, она действует. Ее лифчик застегивается спереди, и не надо долго возиться, чтобы его расстегнуть.

– Ты хочешь играть с этими кнопками или со мной?

Фрэнки ухмыляется, демонстрируя зубы, от которых в ужасе отшатнется даже самый закаленный дантист. Он опять лезет в карман и достает нож. Почти такой же, как у Ленни, только без гравировки *Semper Fi*.

– Давай в койку, красотка. Трусы снимать не трудись. Хочу срезать их сам. Если будешь лежать тихо, может быть, я не порежу то, что под ними.

– Это он тебя прислал? – спрашивает Гвенди. Она сидит на полу, подтянув колени к груди. Если ей повезет, Фрэнки, этой больной скотине, не достанется ничего, кроме одного взгляда на ее голую грудь. – Мистер Фаррис прислал тебя забрать пульт? Он хочет, чтобы пульт был у *тебя*?

Трудно поверить, хотя все указывает на то, что так и есть.

Он озадаченно хмурится.

– Мистер *кто*?

– Фаррис. Черный костюм? Маленькая черная шляпа, которая перемещается сама по себе?

– Не знаю я никаких мистеров Фа...

Гвенди не дает ему говорить. Она резко встает и выбрасывает ногу вверх, не задумываясь ни на секунду... хотя потом ей придет в голову, что, наверное, за нее думал *пульт*. Фрэнки широко раскрывает глаза. Рука, держащая нож, распрямляется. Нож вонзается Гвенди в ступню и выходит с другой стороны, пропоров ногу насквозь. Брызжет кровь. Гвенди кричит, и ее пятка бьет Фрэнки в грудь. Пошатнувшись, он валится обратно в шкаф. Гвенди хватает пульт управления и нажимает красную кнопку с криком:

– *Чтоб тебе сгнуть в аду!*

В июне 1984-го Гвенди Питерсон оканчивает Университет Брауна с высшим отличием. Она давно не выходит на беговую дорожку. Ее карьера в легкой атлетике завершилась еще в выпускном классе, весной; в больнице ножевая рана воспалилась, в нее попала инфекция, и хотя ногу спасти удалось, Гвенди все же лишилась части стопы. Она до сих пор ходит прихрамывая, но теперь ее хромота почти незаметна.

После торжественной церемонии вручения дипломов Гвенди с родителями идет в ресторан, чтобы отметить это событие. Они отлично проводят время. Мистер и миссис Питерсон даже решают прервать свое многолетнее воздержание и распивают бутылку шампанского в честь успехов дочери, которая собирается поступать в аспирантуру Колумбийского университета или – возможно – в школу писательского мастерства в Айове. Гвенди кажется, что в ней зреет книга. Может быть, и не одна.

– У тебя есть молодой человек? – интересуется миссис Питерсон. Она отвыкла от алкоголя и опьянела от бокала шампанского. Ее щеки горят, глаза блестят.

Гвенди с улыбкой качает головой:

– Сейчас нет.

И не будет, добавляет она про себя. У нее уже есть спутник жизни: пульт управления с восемью кнопками и двумя рычажками. Она до сих пор иногда съедает волшебную шоколадку, но серебряных долларов не берет уже несколько лет. Те, которые были, давно потрачены – по одному или по два зараз – на книги, на съемное жилье (Господи, какая роскошь – жить в отдельной квартире!) и на новую машину (мама обиделась, когда Гвенди сменила «Фиесту» на «Субару-Аутбэк», но в итоге смирилась).

– Что ж, – говорит мистер Питерсон, – всему свое время.

– Да, – улыбается Гвенди. – Времени у меня много.

Она собирается провести лето в Касл-Роке и, когда родители уезжают к себе в отель, возвращается на съемную квартиру и пакует последнюю партию вещей, уложив пульт управления на самое дно чемодана. Пока она училась в Брауне, пульт хранился в сейфовой ячейке в банке Род-Айленда. Гвенди жалеет, что не додумалась до этого раньше, но она была еще ребенком, когда получила пульт, *ребенком*, черт побери, а что дети знают о жизни? Дети прячут свои сокровища под корнями старых деревьев, или в стенах подвалов, подверженных затоплению, или просто в шкафу. В *шкафу*, черт возьми! Когда Гвенди приедет в Колумбию (или в Айова-Сити, если ее примут в школу писательского мастерства), пульт отправится в очередную банковскую ячейку, где, по ее личному мнению, может остаться навсегда.

Она решает выпить стакан молока перед сном и съесть кусочек кофейного пирога. Но не доходит до кухни. Выйдя из спальни в гостиную, она замирает на месте. На письменном столе, за которым она занималась последние два года, рядом со вставленной в рамочку фотографией Гарри Стритера, лежит маленькая черная шляпа. Гвенди ни капельки не сомневается, что это та самая шляпа, которую она видела в последний раз в тот солнечный день, когда они с Гарри запускали воздушного змея на лугу за бейсбольным полем. Какой счастливый был день! Может быть, последний счастливый день.

– Иди сюда, Гвенди, – зовет мистер Фаррис из кухни. – Посидим, поболтаем.

Она входит в кухню, чувствуя себя гостьей в собственном доме. В собственном теле. Мистер Фаррис, все в том же щегольском черном костюме и, кажется, не постаревший ни на день, сидит за кухонным столом. Он уже налил себе молока и положил на тарелку кусок кофейного пирога. Молоко и пирог, приготовленные для Гвенди, ждут ее на столе.

Он осматривает ее с ног до головы, но – как и в тот день, десять лет назад, во время их первой встречи на смотровой площадке у Лестницы самоубийц, – без всяких непристойных намерений.

– Гвенди Питерсон, ты стала поистине восхитительной молодой женщиной!

Она не благодарит его за комплимент, но все же садится за стол. Для нее время для этой беседы уже давно прошло. Но, наверное, не для него. Почему-то ей кажется, что у мистера Фарриса есть свое собственное

расписание, которое он соблюдает всегда. Она говорит:

– Я заперла дверь на ключ, когда уходила. Я всегда запираю дверь. И когда я пришла, дверь была заперта. Я всегда проверяю. Эта привычка у меня появилась со дня смерти Гарри. Вы знаете о Гарри? Наверное, да. Раз уж вы знали, что я хочу молока с пирогом.

– Конечно, знаю. Я многое о тебе знаю, Гвенди. А что до замков... – Он небрежно поводит рукой, словно отмахиваясь от таких пустяков.

– Вы пришли забрать пульт?

Гвенди слышит в собственном голосе взволнованное нетерпение и нежелание что-то менять. Сочетание странное, но знакомое, даже привычное.

Он пропускает ее слова мимо ушей, по крайней мере сейчас.

– Как я сказал, я многое о тебе знаю, но я не знаю, что именно произошло в тот день, когда Стоун проник к тебе в дом. С пультом управления всегда настанет переломный момент – момент истины, можно сказать, – и когда он наступает, моя способность... видеть... теряется. Расскажи, как все было.

– Мне обязательно надо рассказывать?

Он поднимает руку ладонью вверх, как бы говоря: *Тебе решать.*

– Я никогда никому не рассказывала об этом.

– И никогда не расскажешь, как я понимаю. Так что, возможно, сейчас твой единственный шанс.

– Я ему крикнула: «Чтоб тебе сгнить в аду!» – и нажала красную кнопку. Я не имела в виду *буквально*, но он убил человека, которого я любила, и пропорол мне ногу ножом, и у меня просто вырвалось... Я не думала, что он и вправду...

Но именно так все и было.

Гвенди умолкает, вспоминая, как лицо Фрэнки сморщилось и почернело, как его глаза помутнели и лопнули, вывалившись из глазниц. Его нижняя челюсть отвисла, губа поехала вниз, словно рулонная штора со сломанной пружиной. От его вопля – от удивления? от боли? от того и другого? Гвенди не знает и не хочет знать – из гнилых, расползающихся десен вылетели все зубы, вывалились шквалом желтых и черных осколков. Его челюсть вырвалась из суставов и упала на грудь, в прямом смысле. Кожа на шее пошла волдырями и полопалась с громким противным треском. Кожа на щеках рвалась, словно прогнившая парусина, из разрывов текли реки гноя...

– Не знаю, в аду он сгнил или нет, но то, что он сгнил, это точно, – говорит Гвенди и отодвигает тарелку с кофейным тортом. У нее пропал

аппетит.

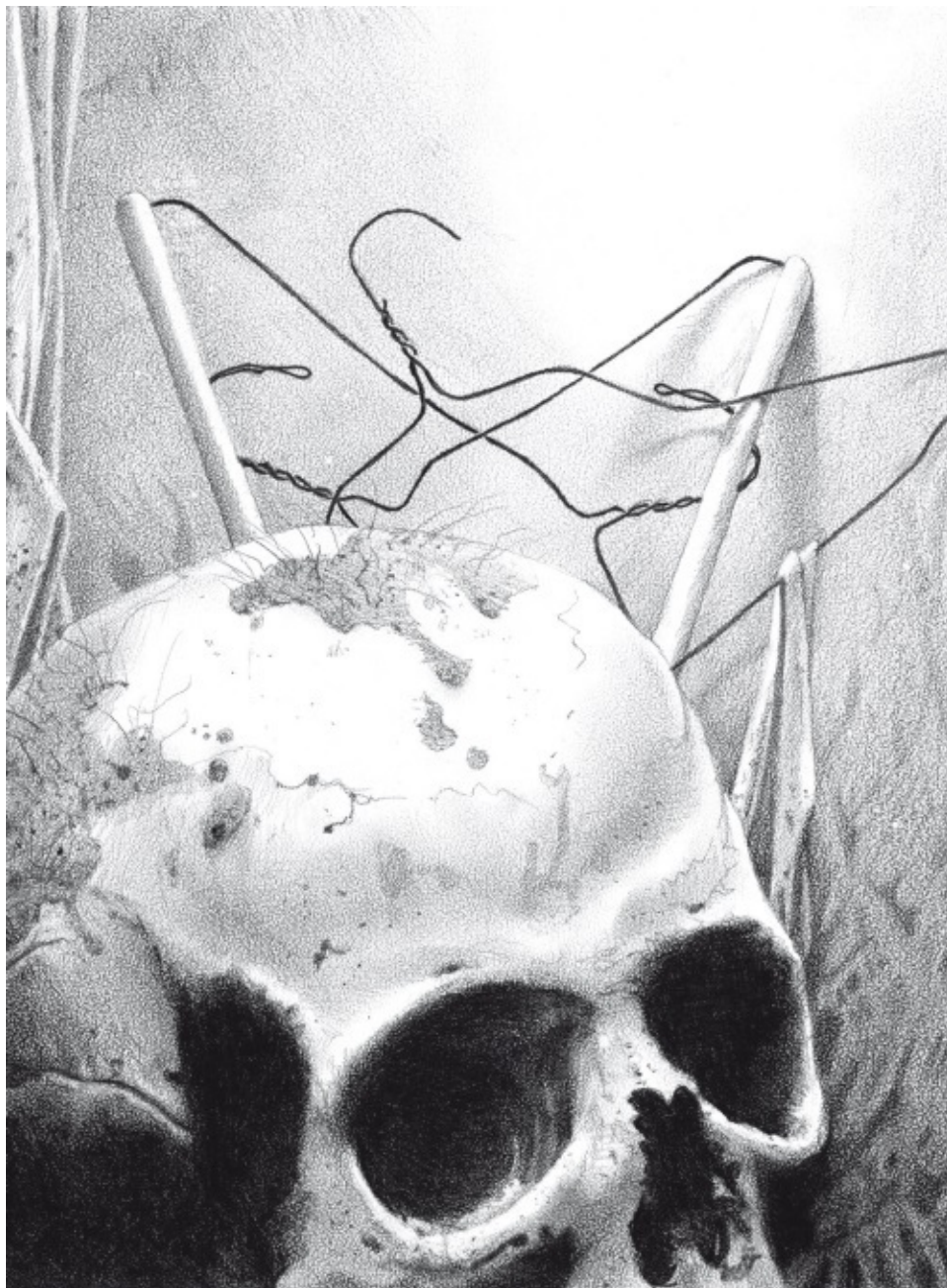
– Что ты сказала всем остальным? – спрашивает мистер Фаррис. – Надо же было придумать какую-то правдоподобную историю. Тебе пришлось быстро соображать.

– Кажется, я ничего не придумывала. Кажется, за меня думал пульт. – Гвенди ждет, что он на это ответит. Но мистер Фаррис молчит, и она продолжает: – Я закрыла глаза, снова нажала красную кнопку и пожелала, чтобы Фрэнки исчез. Пожелала от всей души. А когда открыла глаза, его уже не было. Был только Гарри. – Она изумленно качает головой. – Все получилось.

– Конечно, все получилось, – говорит мистер Фаррис. – Красная кнопка, она очень... многофункциональная, скажем так. Да, именно так мы и скажем. Но за десять лет ты на нее нажимала считанные разы, что характеризует тебя как человека с поразительной выдержкой и силой воли. Это достойно всяческого уважения. – Он салютует ей стаканом с молоком.

– Одного раза было достаточно, более чем, – говорит Гвенди. – Из-за меня случилась трагедия в Джонстауне.

– Ты слишком высокого мнения о себе, – резко произносит он. – Трагедия случилась *из-за Джима Джонса*. Этот так называемый преподобный отец был больной на всю голову. Параноик с фиксацией на собственной матери и убийственным самомнением. Что касается твоей подруги Оливии... Я знаю, ты всегда думала, что отчасти несешь ответственность за ее самоубийство, но это не так, я тебя уверяю. У Оливии вечно была ЗАСАДА, выражаясь вашим же словом.

Она изумленно смотрит на него. Он что, подглядывал за ее жизнью, как извращенец (Фрэнки Стоун, например), роющийся в нижнем белье в шкафу? И много ему удалось подсмотреть?

– В частности, у нее были проблемы с отчимом. Он... как бы это сказать поприличнее? Он ее домогался.

– Вы серьезно?

– Я серьезен, как сердечный приступ. И ты знаешь правду о юном мистере Стоуне.

Да, она знает. Полиция обвиняла его в совершении как минимум четырех изнасилований и двух попыток изнасилования в Касл-Роке и ближайших окрестностях. Возможно, также в изнасиловании и убийстве в Кливс-Миллсе. Насчет последнего следователи сомневались, но Гвенди была уверена, что это он.

– Стоун бредил тобой *много лет*, Гвенди, и он получил по заслугам. Это он убил твоего мистера Стритера. Он, а не пульт управления.

Она его почти не слышит. Она вспоминает все то, к чему обычно старается не возвращаться. Разве что во снах, над которыми она не властна.

– Я сказала полиции, что Фрэнки пытался меня изнасиловать, а Гарри ему помешал. Они подрались, Фрэнки убил Гарри и убежал. Наверное, они до сих пор его ищут. Я спрятала пульт и монеты в комод. Думала, может быть, окунуть каблук туфли в кровь Гарри, чтобы объяснить... его рану... но не нашла в себе сил. Хотя это было не важно. Они просто решили, что Фрэнки забрал оружие убийства с собой.

Мистер Фаррис кивает.

– Тут не тот случай, когда все хорошо, что хорошо кончается, но могло быть и хуже. Гораздо хуже.

Гвенди горько улыбается и от этой улыбки кажется намного старше своих двадцати двух.

– Вас послушать, так все прекрасно. Как будто я прямо святая Гвенди. Но я-то знаю... Если бы вы не дали мне этот чертов пульт, все было бы иначе.

– Если бы Ли Харви Освальд не устроился на работу в книгохранилище в Техасе, Кеннеди благополучно закончил бы свой президентский срок, – говорит мистер Фаррис. – Если все время заикливаться на «если», можно свихнуться, дитя мое.

– Думайте что хотите, мистер Фаррис, но если бы вы не дали мне пульт, Гарри сейчас был бы жив. И Оливия тоже.

Он на секунду задумывается.

– Гарри? Да, может быть. *Может быть*. Что до Оливии, она была обречена. Ты за нее не отвечаешь, поверь мне. – Он улыбается. – Кстати, хорошая новость! Тебя примут в Айове! Твоя первая книга... – Он опять улыбается. – Пусть это будет сюрпризом. Скажу только, что ты захочешь надеть свое самое лучшее платье, когда тебе будут вручать награду.

– Какую награду? – Она сама удивляется и даже немного стыдится своего жадного любопытства.

Он снова небрежно поводит рукой.

– Я и так сказал больше, чем нужно. Еще чуть-чуть, и я переделаю все

твое будущее, так что не надо меня искушать. Я ведь поддамся, если ты будешь настаивать, потому что ты мне нравишься, Гвенди. Твой срок владения пультом был... выше всяких похвал. Да, я знаю, что это была тяжкая ноша. Словно несешь на спине невидимый рюкзак, набитый камнями. Но ты даже не представляешь, сколько сделала добра. Сколько предотвратила несчастий. Если использовать пульт с дурным умыслом – а твои помыслы, кстати, никогда не были злыми, даже тот эксперимент с Гайаной был предпринят из чистого любопытства, – он высвобождает немыслимый потенциал зла. Если оставить его в покое, он может стать мощной силой добра.

– Мои родители уже было сделали первый шаг на пути к алкоголизму, – говорит Гвенди. – Я почти уверена, что так и было. Но потом они бросили пить.

– Да, и кто знает, сколько еще бед и несчастий предотвратил пульт управления, пока был у тебя. Даже я не знаю. Массовая резня? Бомба в зале ожидания на Центральном вокзале? Убийство кого-то из лидеров, которое развязало бы третью мировую войну? Конечно, он не отменяет все зло – мы оба читаем газеты, – но я скажу тебе одно, Гвенди. – Наклонившись вперед, он сверлит ее взглядом. – Он отменил многое. *Очень многое.*

– А теперь?

– Теперь я с благодарностью заберу у тебя пульт. Твоя работа закончена. Во всяком случае, *этот* этап работы. У тебя по-прежнему есть что сказать миру... и мир будет слушать. Ты станешь развлекать людей, а это величайший дар, доступный человеку. Ты заставишь их плакать, смеяться, замирать в изумлении, *думать*. К тридцати пяти годам у тебя будет компьютер вместо пишущей машинки, но и то и другое – по сути, пульты управления, ты не находишь? Клавиши – те же кнопки. Ты проживешь долгую жизнь...

– Сколько лет? – Опять эта странная смесь жадного любопытства и нежелания знать.

– Этого я тебе не скажу. Скажу только, что ты умрешь в окружении друзей. В прелестной ночной рубашке с синими цветочками по подолу. Солнце будет светить в окно, и за миг до того, как закрыть глаза навсегда, ты увидишь в небе стаю птиц, летящих на юг. Последний образ красоты этого мира. Будет больно, но совсем чуть-чуть.

Он кладет в рот кусочек кофейного торта и поднимается из-за стола.

– Очень вкусно, но я и так задержался. Боюсь опоздать на следующую встречу. Пульт управления, будь добра.

– Кто будет следующим хранителем? Или вы мне не скажете?

– Я еще сам не уверен. Присматриваюсь к одному пареньку из Пескадеро, это такой маленький городок в часе езды к югу от Сан-Франциско. Ты никогда с ним не встретишься, с этим парнишкой. Надеюсь, Гвенди, он будет таким же хорошим хранителем, каким была ты.

Он наклоняется к ней и легонько целует в щеку. Прикосновение его губ наполняет ее ощущением счастья, как это было с шоколадными зверюшками.

– Он в моем чемодане, – говорит Гвенди. – В спальне. Чемодан не закрыт на замок... хотя, думается, если бы он был закрыт, вас бы это не остановило. – Она смеется, потом резко умолкает. – Просто я... не хочу прикасаться к нему еще раз. Даже смотреть на него не хочу. Потому что иначе...

Мистер Фаррис улыбается, но его глаза серьезны.

– Тебе захочется оставить его у себя.

– Да.

– Тогда сиди здесь. Доедай торт. Он и вправду чудесный.

Он выходит из кухни.

Гвенди сидит. Медленно доедает кофейный торт, запивая каждый кусочек глотком молока. Она слышит скрип чемодана, когда его открывают. Слышит скрип чемодана, когда его закрывают. Слышит два тихих щелчка чемоданных защелок. Слышит шаги в коридоре. Шаги замирают. Зайдет ли мистер Фаррис в кухню, чтобы попрощаться?

Он не заходит. Входная дверь открывается, потом тихонько захлопывается. Мистер Ричард Фаррис, с которым Гвенди Питерсон познакомилась на скамейке у вершины Лестницы самоубийц, ушел из ее жизни. Гвенди сидит за столом еще пару минут, доедает последний кусочек торта и размышляет о книге, которую ей хочется написать. Это будет масштабное повествование о маленьком городке в штате Мэн, о городке, очень похожем на ее родной Касл-Рок. Там будет страх и любовь. Гвенди еще не готова, но ее время придет уже скоро: года через два, максимум через пять. И тогда она сядет за пишущую машинку – ее пульт управления – и примется стучать по клавишам-кнопкам.

В конце концов она поднимается из-за стола и выходит в гостиную. Ее шаг пружинист и легкий. Она уже чувствует, что ей стало легче дышать. Черная шляпа больше не лежит у нее на столе, но мистер Фаррис оставил ей подарок: Моргановский серебряный доллар 1891 года выпуска. Гвенди берет его и вертит в руке, чтобы солнечный свет отразился от не бывшей в обращении блестящей поверхности. Потом Гвенди смеется и убирает монету в карман.

Библиография Стивена Кинга

Романы

- **Кэрри** / Carrie (1974)
- **Жребий Салема** / Salem's Lot (1975)
- **Противостояние** / The Stand (1978; 1990 – полное издание)
- **Мертвая зона** / The Dead Zone (1979)
- **Воспламеняющая** / Firestarter (1980)
- **Куджо** / Cujo (1981)
- **Кристина** / Christine (1983)
- **Кладбище домашних животных** / Pet Sematary (1983)
- **Оно** / It (1986)
- **Глаза дракона** / The Eyes of the Dragon (1987)
- **Мизери** / Misery (1987)
- **Томминокеры** / The Tommyknockers (1987)
- **Темная половина** / The Dark Half (1989)
- **Нужные вещи** / Needful Things (1991)
- **Игра Джералда** / Gerald's Game (1992)
- **Долорес Клейборн** / Dolores Claiborne (1992)
- **Бессонница** / Insomnia (1994)
- **Роза Марена** / Rose Madder (1995)
- **Зеленая миля** / The Green Mile (1996)
- **Мешок с костями** / Bag of Bones (1998)
- **Девочка, которая любила Тома Гордона** / The Girl Who Loved Tom Gordon (1999)
- **Сердца в Атлантиде** / Hearts in Atlantis (1999)
- **Ловец снов** / Dreamcatcher (2001)
- **Почти как «бьюик»** / From a Buick 8 (2002)
- **Парень из Колорадо** / The Colorado Kid (2005)
- **Мобильник** / Cell (2006)
- **История Лизи** / Lisey's Story (2006)
- **Дьюма-Ки** / Duma Key (2008)
- **Под Куполом** / Under the Dome (2009)
- **11/22/63** (2011)
- **Страна радости** / Joyland (2013)

- **Возрождение** / Revival (2014)

Цикл «Темная Башня»

- **Стрелок** / The Dark Tower I: The Gun-slinger (1982; 2003 – вторая редакция)
- **Извлечение троих** / The Dark Tower II: The Drawing of the Three (1987)
- **Бесплодные земли** / The Dark Tower III: The Waste Lands (1991)
- **Колдун и кристалл** / The Dark Tower IV: Wizard and Glass (1997)
- **Ветер сквозь замочную скважину** / The Dark Tower: The Wind Through the Keyhole (2012)
- **Волки Кальи** / The Dark Tower V: Wolves of the Calla (2003)
- **Песнь Сюзанны** / The Dark Tower VI: Song of Susannah (2004)
- **Темная Башня** / The Dark Tower VII: The Dark Tower (2004)

Диалоги и трилогии

- **Сияние** / The Shining (1977), **Доктор Сон** / Doctor Sleep (2013)
- **Талисман** / The Talisman (1984), **Черный дом** / Black House (2001)
- **Безнадега** / Desperation (1996), **Регуляторы** / The Regulators (1996)
- **Мистер Мерседес** / Mr. Mercedes (2014); **Кто нашел, берет себе** / Finders Keepers (2015); **Пост сдал** / End of Watch (2016)

Под псевдонимом Ричард Бахман

- **Ярость** / Rage (1977)
- **Долгая Прогулка** / The Long Walk (1979)
- **Дорожные работы** / Roadwork (1981)
- **Бегущий человек** / The Running Man (1982)
- **Худеющий** / Thinner (1984)
- **Регуляторы** / The Regulators (1996)
- **Блейз** / Blaze (2007)

Произведения, написанные в соавторстве

- **Талисман** / The Talisman (1984; с Питером Страубом)
- **Черный дом** / Black House (2001; с Питером Страубом)
- **Болельщик** / Faithful (2004; в соавторстве со Стюартом О'Нэном)
- **Гвенди и ее шкатулка** / Gwendy's Button Box (2017; с Ричардом Чизмаром)
- **Спящие красавицы** / Sleeping Beauties (2017; с Оуэном Кингом)

Сборники рассказов

- **Ночная смена** / Night Shift (1978)
- **Команда скелетов** / Skeleton Crew (1985)
- **Ночные кошмары и фантастические видения** / Nightmares & Dreamscapes (1993)
- **Все предельно** / Everything's Eventual (2002)
- **После заката** / Just After Sunset (2008)
- **Лавка дурных снов** / The Bazaar of Bad Dreams (2015)

Сборники повестей

- **Четыре сезона** / Different Seasons (1982)
- **Четыре после полуночи** / Four Past Midnight (1990)
- **Тьма, – и больше ничего** / Full Dark, No Stars (2010)

Нехудожественные произведения

- **Пляска смерти** / Danse Macabre (1981)
- **Как писать книги** / On Writing (2000)
- **Секретные окна** / Secret Windows (2000)
- **Стивен Кинг идет в кино** / Stephen King Goes to the Movies (2009)

Сценарий

- **Буря столетия** / Storm of the Century (1999)
-

notes

Примечания

Кейп-код – традиционный тип небольшого дома в Северной Америке. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Сокр. от *Semper Fidelis* (лат.) – всегда верен; девиз морской пехоты США.